

ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский Государственный Университет»
Филологический факультет
Кафедра истории зарубежных литератур

Мартовицкая Нина Павловна

ТРАГЕДИЯ МАРИИ СТЮАРТ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ БРИТАНСКИХ
АВТОРОВ КОНЦА XVIII – XIX ВЕКОВ

Выпускная квалификационная работа магистра филологии

Научный руководитель:

д. ф. н., профессор

И. И. Бурова

Рецензент:

к. иск., доцент

Т. П. Швец

Санкт-Петербург

2017

Содержание

Generating Table of Contents for Word Import ...

Введение

Мария Стюарт – одна из самых ярких фигур не только в шотландской, но и в британской истории. Ее трагическая судьба, полная головокружительных взлетов и падений, вызывает неизменный интерес писателей, историков, кинематографистов. К ее образу обращались в своих произведениях А. Дюма, В. Скотт, Ф. Шиллер, С. Цвейг и многие другие.

С самого начала своей жизни Мария Стюарт была вознесена на вершину величия. Она была королевой Шотландии и Франции, считалась католиками законной королевой Англии. Такое положение сулило Марии огромное могущество и власть, но женщина возобладала над королевой: Мария ставила свои чувства выше государственных интересов, совершала ошибки, которые впоследствии оказались гибельными и привели к трагическим последствиям.

Этой хрупкой утонченной девушке, воспитанной при французском дворе, любившей пышные балы и празднества, было суждено стать королевой Шотландии в период кровавой борьбы за власть и Реформации. Мария, столкнувшись с тяжелой действительностью, не смогла противостоять обрушившимся на нее невзгодам.

Хотя Марии Стюарт так и не довелось завоевать английский престол, после смерти бездетной королевы Елизаветы он достался ее сыну, Якову Стюарту. В 1707 году, во время царствования Анны I, последней королевы из династии Стюартов, был принят Акт об унии, объединяющий Шотландию и Англию в одно королевство, названное Великобритания. Уклад жизни шотландцев стал стремительно

изменяться. Под влиянием капиталистического хозяйства начал распадаться патриархально-родовой строй, который господствовал в горной части Шотландии. Происходило массовое обезземеление крестьян, людей направляли в фабричные города, а пахотные поля превращались в пастбища для овец — производство сырья для развивающейся ткацкой промышленности. Правительство старалось уничтожить шотландскую национальную привилегию, унифицировать не только финансовую и административную, но и судебную системы. Такая политика вызывала возмущение среди шотландцев, вела к неприятию всего английского. Шотландцы яростно стремились сохранить чувство национальной самобытности.

В этих условиях имя Марии Стюарт, которое ассоциировалось с событиями, сыгравшими важную роль в шотландской истории, стало символом утраченной независимости. Образ шотландской королевы оказался окутанным романтическим ореолом: законная наследница престола, лишённая власти, женщина с тяжелой судьбой, пленница английской короны, подсудимая, приговоренная к позорной казни. Новый всплеск интереса к истории Марии Стюарт связан с общеромантическим интересом к национальной истории.

Объектом данного исследования нами был выбран образ Марии Стюарт, складывавшийся в произведениях британских писателей XVIII-XIX вв.: Роберта Бернса (1759—1796), Уильяма Вордсворта (1770—1850), Вальтера Скотта (1771—1832), Алджерона Суинберна (1837—1909).

Материалом для исследования послужили следующие произведения: «Элегия Марии, Королевы Шотландской, на

приближение весны» (Lament Of Mary, Queen Of Scots, On The Approach Of Spring, 1791 г.) Роберта Бернса, «Жалоба Мэри, Королевы Шотландцев, в канун нового года» (Lament of Mary Queen of Scots, on the Eve of a New Year, 1817 г.) Уильяма Вордсворта, роман Вальтера Скотта «Аббат» (The Abbot, 1820 г.) и драматическая трилогия Алджернона Чарльза Суинберна, посвященная Марии Стюарт, в которую входят пьесы «Шателяр» (Chastelard, 1865 г.), «Босуэлл» (Bothwell, 1874 г.), «Мария Стюарт» (Mary Stuart, 1881 г.).

Цель исследования — выявить особенности интерпретации образа Марии Стюарт в творчестве выбранных нами авторов. Можно сказать, что перед нами произведения литераторов, принадлежащих к трем разным поколениям, следовательно, рассмотрение образа Марии Стюарт в произведениях каждого из них может позволить нам увидеть не только отражение индивидуальной творческой философии писателей, но и отражение исторической ситуации, в контексте которой они создавали свои произведения.

Для достижения поставленной цели потребовалось выполнить несколько *задач*:

- изучить биографию Марии Стюарт;
- рассмотреть взаимоотношения Марии с Елизаветой Тюдор;
- проанализировать выбранные произведения;
- выявить отношения авторов к фигуре Марии Стюарт.

Данное исследование может способствовать уточнению оттенков одного и того же события, одного и того же исторического факта или

лица в рамках единого литературного направления, — этим обусловлена его *актуальность*.

Новизна работы заключается в том, что выбранные нами произведения малоизучены и никогда прежде не анализировались в аспекте сопоставления.

Данное исследование обладает *практической значимостью*, так как содержащиеся в нем материалы могут быть использованы в учебном процессе в рамках курсов по истории зарубежной литературы XIX в.

Структура работы складывается из введения, основной части, состоящей, в свою очередь, из двух глав, разделенных на параграфы, заключения и списка использованной литературы, насчитывающего 66 наименований.

ГЛАВА 1. БИОГРАФИЯ МАРИИ СТЮАРТ В ИСТОРИОГРАФИИ

1. 1. Судьба Марии Стюарт

Мария Стюарт, дочь короля Шотландии Якова V Стюарта и Марии де Гиз, принадлежавшей к одному из самых могущественных аристократических родов Франции, родилась 8 декабря 1542 года.

Вскоре после рождения дочери Яков V умирает. Поскольку Мария оказывается единственным прямым потомком основателя династии, она наследует своему отцу. 9 сентября 1543 года состоялась коронация девятимесячной Марии. Естественно, при малолетней королеве сразу вспыхнула борьба за власть, в которой главными оппонентами стали пятидесятилетний Дэвид Битон, архиепископ Сент-Эндрюсский, и Джеймс Хэмилтон, второй граф Арран. [21, С. 7]

Генрих VIII, король Англии, стремившийся распространить свою власть на Шотландию, вскоре организовал переговоры о браке маленькой Марии с наследником английского престола принцем Эдуардом. Чтобы обеспечить исполнение своего плана, Генрих заручился поддержкой герцога Аррана и других высокопоставленных лиц.

В результате было решено, что свадьба совершится по достижении Марией десятилетнего возраста. При этом Генрих согласился с тем, что Шотландия может сохранить собственное законодательство, и обещал гарантировать независимость страны в течение следующих десяти лет.

Планы Генриха VIII, однако, расходились с интересами Марии де Гиз. Дав притворное согласие на брак своей дочери с английским принцем, вдова Якова V обратилась за поддержкой к Франции, которая

обещала, при необходимости, обеспечить королеву средствами для сбора армии. К тому же 19 января 1544 г. у французского дофина Генриха и Екатерины Медичи родился сын Франциск, а значит, открылась перспектива брака Марии с единоверцем-католиком. Поскольку к власти в Шотландии как раз пришла профранцузская партия, начались переговоры по поводу брака Марии Стюарт и Франциска. [21, С. 9]

Марии еще не исполнилось шести лет, когда ее отправили к французскому двору вместе с четырьмя компаньонками, «четырьмя Мэри»: Мэри Битон, Мэри Сетон, Мэри Флеминг и Мэри Ливингстон — все они были ровесницами юной королевы и принадлежали к знатным шотландским фамилиям. 7 августа 1548 года Мария со своей свитой покинула родные берега и через шесть дней ступила на землю Франции. Французские придворные были очарованы юной королевой Шотландии, они называли ее солнцем, взошедшим над Францией, посвящали ей стихи, восхищаясь, сравнивали ее с богиней.

Эти похвалы были вполне оправданы: юная королева обладала резвым умом и живым нравом. Ее белоснежное продолговатое лицо с тонкими чертами и выразительными глазами, обрамленное темными локонами, было поистине прекрасным. Самоуверенность и грация маленькой шотландки очаровали придворных. Французский историк XVII в. Франсуа Эд де Мезере, говоря о Марии Стюарт, отмечал, что она обладала совершенной красотой, была наделена живым воображением и отменной памятью. Он называет ее «самой любезной принцессой христианского мира». [21, с. 17]

Стоит также добавить, что, ко всему прочему, Мария была капризным ребенком. Противоречие ее желаниям нередко могло

вызвать истерику с потоками слез, приступами головокружения и тошноты, депрессией, которая могла длиться до нескольких недель.

И все-таки будущий муж, малолетний Франциск сразу проникся симпатией к Марии. Принцесса и дофин переезжали из одной королевской резиденции в другую, но больше всего времени они провели во дворце Сен-Жермен, который находился недалеко от Парижа, в живописной сельской местности. Во дворце нередко устраивались маскарады и празднества, в которых Мария с готовностью принимала участие. Она быстро приспособилась к светской жизни и находила в ней удовольствие. [21, с. 15]

Отношение к Марии матери дофина было более прохладным. Необходимо отметить, что двумя самыми могущественнейшими женщинами при французском дворе были королева Екатерина Медичи, и фаворитка короля Диана де Пуатье. Соответственно, в рядах придворных сформировались две противоборствующие партии.

Мария стала любимицей Дианы де Пуатье. Эта обворожительная, умная и женственная красавица сумела очаровать короля, будучи старше его на восемнадцать лет. Статная, высокая, грациозная Диана, проплывающая по залу в черно-белом наряде, — она всегда ограничивалась в своих туалетах этими цветами, — приковывала восхищенные взгляды. [21, с. 13]

Сторонники графини де Пуатье нередко отпускали колкие замечания в адрес королевы Екатерины, называя ее иностранной выскочкой, ребенком лавочника, даже обвиняли ее в убийствах. Под влиянием таких речей юная Мария тоже начала насмехаться над происхождением Екатерины, которая принадлежала не к королевскому роду, а происходила из семьи флорентийских банкиров Медичи. Жена

Генриха II узнала о дерзком поведении юной принцессы, после чего ее и без того не слишком доброжелательное отношение к Марии переросло в «тщательно скрываемую ненависть» [15, с. 216].

Король Генрих II симпатизировал Марии. Он хотел превратить невесту своего сына в истинную француженку и принял решительные меры: Мария и ее «четыре Мэри» были отправлены в монастырь, располагавшийся в нескольких милях от дворца. Иностранок должны были учить французскому, девочкам было строго запрещено говорить на нижнешотландском наречии.

Хотя Мария быстро освоилась при французском дворе, она продолжала поддерживать тесную связь с матерью. Мария де Гиз была очень озабочена воспитанием дочери: регулярно отправляла ей письма, напутствовала ее ежедневно посещать мессу.

Мария Стюарт получила прекрасное образование, училась вместе с королевскими детьми, хорошо знала французский, испанский, итальянский языки. До нас дошла рукопись с прекрасными, полными аллюзий латинскими сочинениями Марии. На обороте каждого листа манускрипта содержится французский текст. Есть предположение, что девочка лишь переводила на латынь сочинение своего наставника, поскольку, когда впоследствии Марии Стюарт необходимо было говорить на латыни, ей пришлось прибегнуть к помощи переводчика. Несмотря на то, что Мария получила прекрасное образование, она не любила ученость, в отличие от своей кузины Елизаветы Тюдор, которая прекрасно владела латынью, читала и писала по-гречески. [21, с. 17]

В Шотландии тем временем поднимается волна Реформации: лорды (протестантские лорды конгрегации) восстают против власти Марии де Гиз и подписывают первый бонд: появляются приметы

зарождения нового, протестантского правительства. Духовным лидером шотландских протестантов становится Джон Нокс. Положение в Шотландии было настолько нестабильным, что Мария де Гиз не смогла приехать на свадьбу дочери.

Юную Марию Стюарт, покинувшую Шотландию в раннем детстве и воспитывавшуюся как французская принцесса, совсем не занимало положение дел на родине. Историк Алан Уайт отмечает: «Мария считала Шотландию интермедией к куда более захватывающей пьесе, разыгрывавшейся на подмостках европейской династической политики». [21, с. 18]

Обручение Марии и дофина состоялось 24 апреля 1558 года в большом зале Лувра. Хотя Мария и Франциск и любили друг друга как брат и сестра, относились друг к другу с уважением и нежностью, Франциск не был для Марии подходящей парой ни физически, ни интеллектуально: дофин был невысокого роста, из-за больного позвоночника он казался кривобоким, заметно заикался и страдал бесплодием.

17 ноября 1558 года умирает Мария Тюдор, получившая прозвище «Кровавой» за жестокие гонения на протестантов. Поскольку она так и не родила наследника, на престол восходит её сестра, двадцатипятилетняя Елизавета Тюдор.

Король Франции Генрих II настаивает на признании Елизаветы незаконнорожденным ребенком Генриха VIII, поскольку аннуляция его брака с Екатериной Арагонской так и не была подтверждена Папой. Будучи признанной незаконнорожденной, Елизавета должна была лишиться права занимать английский престол, что, в свою очередь,

означало бы, что следующим правителем Англии должна стать Мария Стюарт, правнучка Генриха VII Тюдора. К вящему неудовольствию Елизаветы, французские поэты прославляли Марию как королеву Шотландии и Англии.

10 июля 1559 года в результате ранения на турнире умирает Генрих II. В этот день Мария Стюарт становится королевой Франции. Гизы получают власть, к которой так долго шли. Они совершают переворот в Париже, отодвинув на второй план Екатерину и ее сторонников. Под опекой Гизов оказывается Франциск II, и фактически в их руках сосредоточивается власть над Францией. С этого момента наступает так называемый период правления трех королей: Франциска II, кардинала Лотарингского и Франсуа де Гиза. Нестабильность положения усугублялась и то и дело вспыхивавшими религиозными конфликтами. [21, с. 22] Усиливаются гонения на протестантов. Слабый здоровьем король, который быстро утомлялся, часто терял сознание, почти не участвовал в управлении государством.

Внезапно король заболевает: в ухе образовался свищ, затем гангрена, и 5 декабря 1560 года Франциска II не стало, трон перешел к его младшему брату Карлу IX. Вдова Франциска должна была вернуться на родину. 15 августа 1561 года Мария покинула Францию. Ее путь пролегал через английские земли, для того чтобы Мария могла беспрепятственно проехать по территории Англии, нужно было согласие Елизаветы I, но английская королева выставила условие: Мария должна отказаться от претензий на английский престол. Шотландская королева отказалась это сделать и на всю жизнь обрела врага в лице Елизаветы I. [15, с. 217]

Тем временем в Шотландии обострились религиозные противоречия между католиками и протестантами. Когда Мария прибыла на родину, страну раздирала гражданская война. Шотландские католики благосклонно приняли королеву, воспитанную в католической вере. Протестанты, напротив, были настроены враждебно. Джон Нокс и другие кальвинисты жестоко критиковали Марию, воспитанную при французском дворе и обожавшую светские развлечения. Они считали, что христианин не должен заниматься бесполезными занятиями и жить в праздности. [15, с. 217]

Несмотря на эти трудности, Марии в начале правления удалось достигнуть политической стабильности. [45, с. 342] Поначалу королева вела осторожную политику, не оказывая заметной поддержки ни католикам, ни протестантам. В 1562 – 63 гг. она официально признала протестантизм государственной религией. Оставшись верной католицизму, — при дворе продолжали служить католическую мессу, а сама королева вела переписку с Папой, — Мария под давлением протестантов приняла закон, согласно которому запрещалось открыто служить мессу. [10, с. 29] Все это не могло не вызвать недовольства шотландских католиков.

Впрочем, привыкшая к беззаботной жизни Мария не очень интересовалась государственными делами. Поручив заботы о королевстве своему сводному брату Джеймсу Стюарту, графу Морею (1531–1570)¹, и Уильяму Мейтланду (1525—1573), Мария укрылась в Холирудском дворце, пытаясь сделать из него подобие Лувра. Здесь она

¹ А. Ю. Серегин, переводчик биографии Марии Стюарт Роберта Грэма, название графства «Moгау» передается как «Морей», — этот вариант также встречается в некоторых исторических работах, но, в художественной литературе, и в частности, в анализируемом в нашем исследовании романе «Аббат», используется вариант «Мерри». В данном исследовании мы остановились на варианте, принятым Серегиним.

жила в окружении своих французских приближенных. Среди прочих в Шотландию в составе королевской свиты приехал Пьер де Шателяр, французский поэт и дворянин, верный поклонник Марии. Он посвящал королеве любовные стихи, восхищался ее красотой. Вечером 12 февраля 1563 г. слуги, обследовавшие, как всегда, перед приходом Марии королевскую спальню, нашли под кроватью Шателяра. Поскольку, сообщников при нем не нашлось, скорее всего, Шателяр, под действием страсти, решил проникнуть в комнату Марии в надежде соблазнить ее. Назойливому поклоннику было приказано удалиться. Но Шателяр не смог обуздать свое безумное влечение: две ночи спустя, готовясь ко сну, королева вновь обнаружила его в своей спальне. Испугавшись, Мария подняла тревогу. Шателяр был арестован и через несколько дней казнен. [10, с. 36]

Однако было бы ошибкой заключить, что Мария избегала мужчин. Напротив, шотландская королева стремилась к новому замужеству, в отличие от Елизаветы, которая предпочитала оставаться не замужем, чтобы сохранить за собой полноту власти [15, с. 217]. Елизаветинская администрация, понимая, что муж Марии будет оказывать влияние на шотландскую политику, предложила в качестве кандидатуры будущего супруга Роберта Дадли, графа Лестера, фаворита английской королевы. Но Мария Стюарт, руководствуясь влечением сердца, избрала себе в мужа Генри Стюарта, лорда Дарнли. Шотландское общество было недовольно выбором королевы. Сводный брат Марии, незаконнорожденный сын Якова V, граф Морей поднял восстание, которое, однако, было подавлено войском королевы, что вынудило графа Морей искать убежища в Англии.

Мария быстро разочаровалась в своем втором муже: Дарнли оказался жестоким, ревнивым и грубым человеком. Он подозревал Марию в любовной связи с Давидом Риччо, итальянцем-католиком, личным секретарем королевы, который оказывал на нее большое влияние. Ревность Дарнли и недовольство протестантских сановников влиянием, которое оказывал на королеву католик, привели к созданию заговора. 9 марта 1566 г. сообщники ворвались в покои королевы и убили фаворита на глазах у беременной Марии. После этого эпизода Мария отдалась от мужа. [15, с. 218]

19 июня 1566 года королева родила Дарнли сына Якова. Тем не менее, отношения между супругами становились все более напряженными. У Марии завязался роман с Джеймсом Хэпберном, графом Босуэллом (ок. 1535 – 1578 гг.), они оба состояли в браке, что могло восприниматься влюбленными как досадная помеха поглотившему их чувству. 10 февраля 1567 года в особняке Кирк-о-Филд произошел взрыв, в результате которого погиб муж Марии, лорд Дарнли. Несмотря на то, что прямые доказательства причастности королевы и ее возлюбленного к смерти Дарнли отсутствовали, подозрения пали на них. Мария и Босуэлл не только не пытались оправдаться, но и повели себя в высшей степени опрометчиво.

Вскоре после смерти Дарнли состоялся развод Джеймса Хэпберна с женой, затем было инсценировано похищение королевы, якобы чтобы заставить ее вступить в брак с Хэпберном. «Скорее всего, сама Мария не имела ничего против такого романтического приключения». [15, с. 218] 15 мая 1567 г. в Холируде Мария Стюарт обвенчалась с графом Босуэллом.

В результате всего случившегося вспыхнуло восстание во главе с графом Мореем. Правительственные войска встретились с повстанцами 15 июня 1567 года при Карберри-Хилл. Недовольство действиями королевы было так велико среди ее подданных, что в ходе битвы солдаты правительства переходили на сторону противника. Мария была вынуждена сдаться, Босуэлл бежал в Данию, где был впоследствии приговорен к пожизненному заключению. Мария, попав в плен, навеки рассталась не только со своим возлюбленным, но и со своим сыном. Поражение при Карберри-Хилл стало переломным в судьбе Марии: беззаботная жизнь полная удовольствий и почета сменилась годами тягостных лишений.

24 июля 1567 года к Марии, содержащейся в замке Дугласов Лохливен, пришли лорд Рутвен, лорд Линдси и сэр Роберт Мелвилл с требованием отречься от престола в пользу малолетнего сына королевы. В присутствии двух нотариусов Мария была вынуждена подписать отречение, и уже через пять дней состоялась коронация младенца Якова. [63, с. 168]

В народе поведение Марии вызывало негодование многих. Джон Нокс читал гневные проповеди, в которых говорил, что виновная в убийстве и прелюбодеянии Мария должна быть лишена королевской неприкосновенности. Он грозил Шотландии Божьим судом, если виновница не будет наказана: сожжена заживо за причастность к смерти мужа. [63, с. 166]

В декабре 1567 г. был созван парламент. Дабы оправдать восстание лордов и заключение королевы, Марии были предъявлены обвинения в убийстве лорда Дарнли. Главной уликой обвинения стали,

так называемые, «письма из ларца». Они были найдены в двадцатых числах июня 1567 года у Джорджа Дэлглейша, слуги графа Босуэлла, то есть «у лордов было целых полгода для подлога» [40, с. 30]. Среди этих писем были найдены и стихи Марии адресованные Босуэллу, свидетельствовавшие о силе ее чувства к нему:

Вы верите наветам злой молвы,
Вам кажется, что я пуста и лжива,
Мою любовь – о, как несправедливо! –
Готовы счесть игрой нечестной Вы.
И, моего не уважая слова,
Решили Вы, что я люблю другого,
Что я коварство низкое таю,
Что нравственных устоев не имею, –
Но и самой враждебностью своею
Вы жажду распялете мою. [10, с. 88]

Отныне граф Морей занял должность регента, а Мария проводила дни в заключении в Лохлиvene, мечтая о побеге. Она заручилась поддержкой Джорджа Дугласа, приходившегося младшим братом хозяину замка. Первую попытку бежать из плена Мария предприняла в начале апреля. Она пыталась переправиться с острова, на котором стоял замок, под видом прачки, однако лодочник заподозрил неладное, и пленница была возвращена в замок. В подготовке следующего побега помимо Джорджа Дугласа участвовал также воспитанник сэра Уильяма, сирота Вилли Дуглас. Эта попытка оказалась удачной и 2 мая, благодаря Вилли Дугласу, который выкрал ключи, — Мария вырвалась

на свободу и была встречена ожидавшими ее на другом берегу союзниками во главе с Клодом Гамильтоном. [63, с. 178-179]

13 мая 1568 года армия Марии потерпела поражение в сражении при Лэнгсайде. Мария Стюарт была вынуждена бежать из Шотландии. Она намеревалась отправиться во Францию, чтобы заручиться поддержкой своих родственников де Гизов, но в ее распоряжении не было корабля, на котором она могла бы совершить плавание. Мария решила отправиться в Англию и положиться на милость Елизаветы.

Это было опрометчивое решение. В планы Елизаветы не входила помощь Марии в борьбе за шотландский трон, более того, памятуя о том, что в глазах католического мира Мария была законной наследницей английского престола, Елизавета воспользовалась положением и сделала Марию своей пленницей.

Слуг шотландки высылали на родину, а за самой Марией постоянно наблюдали хозяева замков, в которых она содержалась, ставшие ее тюремщиками. Последние девятнадцать лет своей жизни Мария провела в заточении. Католики предпринимали многочисленные попытки освободить ее, но все их заговоры оказывались раскрыты шпионами Елизаветы.

В неволе здоровье Марии пришло в упадок. Плохие условия содержания дали о себе знать. Из-за того, что Мария постоянно находилась в холодных и сырых помещениях, ее стали мучить приступы артрита и ревматизма. Большую часть дня шотландская королева проводила в постели, ее беспокоили болезнь печени и депрессия. Тяжкие испытания преждевременно состарили Марию. В 1580 г. не достигшая сорока лет королева превратилась в седую,

разбитую болезнями женщину. [63, с. 250] Умерли все, кого она любила. Сын, воспитанный в другой вере, стал совершенно чужим человеком.

В 1586 году, во время англо-испанской войны, в Англии активизировались оппозиционно настроенные католики. Возник новый заговор, организатором которого стал отважный молодой дворянин Энтони Бабингтон. Заговорщикам даже удалось заручиться поддержкой Филиппа II, короля Испании, они планировали освобождение Марии Стюарт и убийство Елизаветы. [49, с. 294].

Но этим планам не суждено было сбыться. Заговор раскрыли. Мария доверилась Томасу Моргану, через него она обменивалась письмами с сообщниками Бабингтона, но Морган, стал сотрудничать с сэром Фрэнсисом Уолсингемом, главой секретной службы Елизаветы, так переписка Марии с мятежниками оказалась в руках людей Уолсингема. «Именно эта переписка послужила основанием для вынесения смертного приговора и участникам заговора, и шотландской королеве, которая также была обвинена в государственной измене». [15, с. 228]

В октябре 1586 года состоялся суд над Марией Стюарт. Она признавала свое намерение устроить побег, но отрицала, что «производила или поощряла какое-либо вредительство против ее величества» [25, с. 291]. Впрочем, улик было достаточно для того, чтобы вынести смертный приговор. Казнь Марии Стюарт состоялась 8 февраля 1587 года в замке Фотерингей.

Основываясь на свидетельствах очевидцев казни, Антония Фрэзер сообщает, что Мария держалась с королевским достоинством.

Взойдя на помост, королева терпеливо, не меняясь в лице, выслушала зачитанное вслух обвинение. Присутствовавший по поручению Сессила Роберт Вайз позже отмечал, что по выражению лица Марии можно было бы решить, что зачитывали приказ о помиловании, а не обвинительный приговор. Мария отказалась от услуг протестантского священника, произнеся свои последние молитвы сама, она закончила их просьбами о Божьей помощи английской католической церкви, ее сыну Якову и королеве Елизавете. Затем палачи, как это было заведено, стали просить прощения у своей жертвы, и прощение было даровано. Во время того, как с Марии снимали верхнее платье и украшения, она не проронила ни слезинки, даже не изменилась в лице. Один из наблюдателей писал, что ее лицо было даже радостным (smiling cheer). Ей хватило мужества говорить слова утешения своим плачущим слугам.

Сначала палач промахнулся, и первый удар пришелся по затылку, со второго удара также не удалось полностью перерубить шею, палачу пришлось еще раз занести топор. Когда все было кончено, палач поднял за волосы отрубленную голову, но она упала на пол и в его руке остался парик — у Марии были короткие седые волосы.

Еще одна трогательная деталь: когда тело стали уносить, обнаружилось, что в складках одежды спряталась любимая собачка Марии. Все это время она оставалась незамеченной и теперь жалась к телу и отказывалась покидать его, проявляя истинную преданность. [57, с. 507–514]

Так закончила свою жизнь Мария Стюарт. Она была похоронена в соборе Питерборо, а затем в 1612 году по приказу ее сына Якова VI

останки Марии были перезахоронены в Вестминстерском аббатстве рядом с могилой Елизаветы Тюдор.

1.2. Противостояние Марии Стюарт и Елизаветы I Тюдор: его государственные, религиозные и личные причины

7 сентября 1533 г. у Генриха VIII и Анны Болейн родилась дочь, которую назвали Елизаветой. Генрих женился на Анне по любви. Его страсть к Анне стала одной из причин разрыва с Римом: Папа не хотел признавать недействительным предыдущий брак Генриха с Екатериной Арагонской, что препятствовало союзу короля с Анной. В результате в 1534 г., на следующий год после свадьбы Анны и Генриха, был принят «Акт о супрематии», согласно которому король объявлялся верховным главой английской церкви, а Папа лишался какой бы то ни было власти в Англии. Второй брак короля оказался недолгим. В 1536 г. Анна была казнена по обвинению в измене. Вскоре Елизавету объявили незаконнорожденной, и она оказалась в том же положении, что и ее сводная сестра Мария, дочь Генриха и Екатерины Арагонской. Однако отношения между сестрами никогда не были теплыми. Мария так никогда и не смогла простить Анне Болейн несчастья, которые та принесла ей и ее матери. Свою неприязнь к Анне Мария перенесла на ее дочь.

Елизавета с раннего детства знала, что такое придворные интриги и борьба за власть, нередко ее жизнь находилась в опасности, которой ей чудом удавалось избежать, поэтому, впоследствии, став королевой, Елизавета боялась потерять власть, упустить ее из рук. Генрих VIII не был привязан к дочери, однако, у Елизаветы были теплые отношения с его последней супругой Екатериной Парр. Ее стараниями Елизавета и юный принц Эдуард получили блестящее образование. [15, с. 239]

Сменивший отца на престоле Эдуард VI правил недолго. После его смерти на трон взошла Мария I, прозванная впоследствии Кровавой. Мария, воспитанная в католической вере, отменила религиозные преобразования, предпринятые во время правления ее отца и брата — Англия вновь стала католической страной. Годы правления Марии были трудным временем для Елизаветы, равно как и для английских протестантов, — многие из них эмигрировали на континент, те же, что оставались в Англии, время от времени поднимали восстания.

Одно из самых громких выступлений произошло в начале 1554 г. в Кенте под руководством дворянина Томаса Уайетта. Мятежники стремились свергнуть Марию и посадить на трон Елизавету, но потерпели неудачу. Мария заточила сестру в Тауэр, от казни ее спасло лишь то, что королева побоялась усугубить свое положение, боясь, что смерть Елизаветы вызовет в народе еще большее возмущение.[15, с. 213]

17 ноября 1558 года умерла Мария I, и Елизавета I взошла на престол. Она вновь объявила английскую церковь независимой от католической. [37, с. 219] Иначе поступить она просто не могла, поскольку законность ее прав на престол была прямым следствием законности брака Генриха VIII и Анны Болейн, которую так и не признали католики. Кроме того, у Елизаветы было много сторонников в рядах протестантов, которым тоже пришлось нелегко во время царствования ее сестры Марии. [19, с. 37] При всем этом, Елизавета воздерживалась от преследований католиков. [10, с. 33]

Английская королева также поддерживала связи с шотландскими протестантами. Однако ее политика в отношении Шотландии была довольно осторожна. Когда летом 1559 г. Лорды конгрегации, подняв восстание, обратились за помощью к Елизавете, она отправила им деньги, и лишь в декабре, под давлением Совета, взволнованного появлением в Шотландии французских войск, согласилась отправить на помощь мятежникам свою армию. [56, с. 17-18]

Нельзя не учитывать и отношений Англии и Шотландии с Испанией. Казалось бы, Филипп Испанский, будучи католиком, должен был поддерживать Марию Стюарт в ее притязаниях на английский престол, но в начале царствования Елизаветы он не оспаривал ее легитимность. Филипп, оставшийся вдовцом после смерти Марии I, хотел сохранить власть над Англией, женившись на Елизавете, и уже через месяц после кончины супруги начал переговоры о возможном браке. Елизавета I отвергла предложение Филиппа. Несмотря на отказ, первое время испанский король старался поддерживать с Англией хорошие отношения. Шло время, испанские корабли стали страдать от нападений английских пиратов, которых тайно поддерживала английская королева. [15, с. 223] Теперь к религиозным противоречиям между Испанией и Англией добавилось экономическое соперничество. Видя, что Англия становится сильной державой, испанский король был вынужден начать поддерживать интересы Марии.

Образ, который пыталась создать английская королева, разительно отличался от того, который создавала Мария Стюарт. Елизавета старалась завоевать любовь народа и показать себя любящим монархом. Она часто повторяла: «У вас может быть выдающийся государь, но никогда не будет более любящего». Английская королева

отказывалась от замужества, отмечая, что она «обручена с нацией». [41, с. 302]

Во время царствования Елизаветы возник культ королевы-девственницы, в котором некоторые исследователи видят отголоски культа Девы Марии. Одним из излюбленных символов королевы был пеликан, который из собственной груди вырывал мясо, чтобы насытить голодных птенцов. [15, с. 39] У Марии была репутация порочной женщины, за что Елизавета не могла не осуждать ее, хотя, известно, что и у английской королевы были фавориты среди придворных: Роберт Дадли (ок. 1532-1588), Роберт Девере, граф Эссекс (1667-1701), Уолтер Роли (ок. 1552-1618) [15, с. 236-238].

Марию Стюарт обвиняли в убийстве своего мужа Дарнли и в жестоком обращении с женой Босуэлла. На репутацию английской королевы бросила тень смерть Эми Робсарт, жены фаворита Елизаветы Роберта Дадли. Опасаясь ревности королевы, Дадли старался держать жену подальше от Лондона. [15, с. 237] Но однажды воскресным утром Эми нашли мертвой в собственном доме. Обстоятельства смерти были загадочными: тело обнаружили у подножия лестницы со сломанной шеей, но одежда и прическа убитой были в порядке, что исключало падение. Родственники были уверены, что она стала жертвой убийства. [15, с. 237] Тем не менее, Елизавета не вышла замуж за Роберта Дадли.

Если Мария, выбирая супруга, руководствовалась, прежде всего, личными пристрастиями, то так и оставшаяся незамужней Елизавета, женихами которой значились испанский и французский короли, принц из дома Валуа, австрийский эрцгерцог и даже Иван Грозный, с помощью переговоров о браке решала политические задачи.

«Если Мария Стюарт живет для себя, то Елизавета живет для своей страны, реалистка с сильно развитым чувством ответственности, она видит во власти призвание, тогда как Мария Стюарт воспринимает свой сан как ни к чему не обязывающее звание». [15, с. 39]

В отличие от Марии Стюарт, Елизавета умела окружить себя правильными людьми. Ближайшим советником английской королевы был Уильям Сессил. Он «служил Елизавете почти все время ее правления, сначала госсекретарем, а затем – главным казначеем. Сессил советовал придерживаться умеренности в поступках и благоразумия в решениях». [33, с. 247] С 1573 по 1590 г. госсекретарем королевы был Фрэнсис Уолсингем, активно поддерживающий протестантов и разоблачавший многочисленные заговоры католиков против Елизаветы (в том числе и заговор Э. Баббингтона).

Бегство Марии Стюарт в Англию в 1568 году поставило Елизавету в очень трудное положение. Мария, законная наследница английского престола в глазах католиков, была угрозой власти Елизаветы. Вместе с тем, английская королева не имела права наказывать Марию за события в Шотландии, она не могла отказать Марии в убежище, нельзя было позволить Марии уйти во Францию или Испанию, поэтому Елизавета приняла свою родственницу с уважением и почестями, назначив ей в качестве резиденции замок Шеффилд, а позже — Фотерингей. Елизавета даже обещала оказать помощь Марии, но «она была далека от идеи военной интервенции в пользу своей конкурентки за английский престол». [49, с. 421]

Все время, пока шотландская королева находилась в плену, не прекращались попытки выволить ее из заточения. В 1569 г. вспыхнуло

восстание на севере Англии под предводительством графов Нортумберленда и Уэстморленда. [15, с. 220] Мятежники хотели посадить Марию на английский трон, либо заставить Елизавету назначить ее своей преемницей, в их планах было также выдать Марию замуж за герцога Норфолка. Заговор был раскрыт, Норфолка арестовали и поместили в Тауэр, но вскоре он был помилован. Нортумберленд и Уэстморленд со своими сторонниками 14 ноября проникли в Даремский собор, чтобы уничтожить Библию и Книгу общей молитвы на английском языке, там они отслужили католическую мессу, которая стала последней публичной службой католиков в тюдоровской Англии. В итоге, преследуемые правительственными войсками, графы бежали в Шотландию, где у власти вновь оказались католики. Мятеж был подавлен. [15, с. 220]

В апреле 1570 г. Папа Пий V отлучил английскую королеву от церкви и освободил англичан от присяги на верность королеве. Но многие англичане, особенно молодое поколение, поддерживали англиканскую церковь, а католичество у них ассоциировалось с жестоким правлением Марии Кровавой. [15, с. 221]

В 1572 году Уильям Сессил раскрыл заговор Ридольфи. Был перехвачен гонец, который вез письмо герцогу Норфолку. При гонце оказался ключ, с помощью которого удалось расшифровать послание. Герцог Норфолк снова хотел получить власть в Шотландии, женившись на Марии Стюарт. Норфолк был обвинен в государственной измене и приговорен к казни. Не забыли англичане и шотландскую королеву: парламент, который собрался в 1572 г., требовал казни и Марии Стюарт. [15, с. 222] Но пройдет еще 15 лет, прежде чем Елизавета решится лишить жизни Марию. Последней каплей стал заговор, предпринятый

группой католиков во главе с дворянином Энтони Баббингтоном в 1586 году.

Английская королева понимала, что пока жива Мария Стюарт, не только ее жизнь, но и благосостояние ее королевства находится под угрозой. Но все же Мария была ее родственницей, королевой, убийство которой может стать причиной международного конфликта, и Елизавета не желала сама подписывать ей смертный приговор. Чтобы снять с себя ответственность, она хотела, чтобы королеву убил тюремщик, сэр Эмиас Полет, однако тот отказался выполнять приказ. Тогда английской королеве пришлось разыграть небольшой спектакль: она подписала смертный приговор своей родственнице якобы случайно, вместе с другими государственными бумагами. Дэвисон, ее секретарь, поторопился исполнить приказ королевы, и когда Елизавета «спохватилась», было уже поздно. Преданный секретарь был обвинен в смерти Марии Стюарт, Елизавета лишила его должности и потребовала выплаты огромного денежного штрафа. Несмотря на все эти уловки, никто не сомневался в том, что именно королева была виновна в смерти шотландки. [15, с. 228] Со смертью Марии Стюарт убийство Елизаветы теряло для католиков всякий смысл, поскольку престол Англии тогда должен был перейти к протестанту Якову VI Шотландскому, сыну Марии Стюарт. [15, с. 229]

Подводя итог, можно сказать, что в борьбе двух королей, Марии Стюарт и Елизаветы I Тюдор, отразилась борьба двух эпох: Мария Стюарт принадлежала отжившему миру, религией которого было католичество, а Елизавета – возникающему новому миру, связанному с протестантскими ценностями.

Отношения английской и шотландской королев можно рассматривать и сквозь призму сугубо женской конкуренции. Многие превозносили красоту Марии, она имела успех у мужчин, Елизавета не хотела уступать, желая во всем быть первой.

И как женщины, и как правительницы Мария Стюарт и Елизавета Тюдор были абсолютно разными. Мария, руководствовавшаяся в своих поступках чувствами и влечениями, в первую очередь, была чувственной и страстной женщиной. Елизавета же, умевшая подчинять сердечные порывы трезвому расчету, смогла стать самостоятельным и успешным правителем.

ГЛАВА 2. ОБРАЗ МАРИИ СТЮАРТ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ БРИТАНСКИХ АВТОРОВ КОНЦА XVIII – XIX вв.

2.1. Трагическая судьба Марии Стюарт в творчестве Р. Бернса и У. Вордсворта

С принятием в 1707 году Акта об унии Шотландия стала частью королевства Великобритания и фактически потеряла независимость. Шотландская знать стала говорить на английском языке, а шотландский был признан «извращенным диалектом». Господство англичан повлекло принятие новых законов, часто невыгодных для шотландцев. Предки знаменитого поэта Роберта Бернса жили на севере страны и были «коттерами» (самостоятельными фермерами), которые передавали земельный участок по наследству, от отца к сыну. [46, с. 2] В результате перемен, вызванных объединением Англии и Шотландии, отец Бернса потерял землю и был вынужден с детства работать у помещиков. Когда в 1795 г. на свет появился Роберт, положение семьи все еще было тяжелым: приходилось терпеть голод и нужду, дети, в том числе и юный Роберт, были вынуждены работать наравне со взрослыми. [46, с. 10]

Бернс был истинным патриотом, он любил шотландский язык, выступал за возрождение шотландской культуры и традиций, интересовался национальной историей, глубоко переживал зависимость Шотландии от Англии, видел в англичанах завоевателей.

С детства любимой книгой Роберта Бернса была «Жизнь Уильяма Уоллеса», шотландского рыцаря, который положил начало многовековой борьбе за независимость. [46, с. 4]. Бернс гордился историей своей страны и силой шотландского народа. Красноречивым

свидетельством любви к своему народу и горечи, вызванной его подчиненным положением, являются строки стихотворения Бернса «Шотландская слава» (Fareweel to a' our Scottish fame, 1791):

Века сломить нас не могли,

Но продал нас изменник

Противникам родной земли

За горсть презренных денег. [5]

Хотя Бернс был свободолюбивым бунтарем, он с неизменной симпатией относился к династии Стюартов. Это, как может показаться на первый взгляд, несоответствие объясняется тем, что изгнание Стюартов и их попытки восстановить власть Бернс воспринимал не просто как исторический факт, а как символ борьбы за независимость дорогой его сердцу Шотландии. [46, с. 28] Соответственно, и фигура Марии Стюарт стала для Бернса символом противостояния Шотландии и Англии.

В 1791 году Бернс создал стихотворение «Элегия Марии, Королевы Шотландской, на приближение весны» («Lament of Mary, Queen of Scots, on the Approach of spring»). Это произведение наполнено нежностью, любовью к Марии Стюарт, ставшей для поэта символом молодости и женской прелести, состраданием к трагической судьбе шотландской королевы. [46, с. 28].

«Элегия» написана от лица самой Марии и построена на романтическом контрасте, который присутствует уже в названии: элегия, в оригинале «lament», плач, – медитативное стихотворение в

котором преобладает грустная тональность, а приближение весны – тема, традиционно связанная с радостью и оживлением.

В «Элегии» свобода, которая царит в природе, противопоставляется вынужденной несвободе Марии.

The meanest hind in fair Scotland
May rove their sweets amang;
But I, the Queen of a' Scotland,
Maun lie in prison strang. (XXI-XXIV)

В Шотландии среди родных

Любому быть дано;

Но королеве сей страны

В тюрьме жить суждено.

(пер. Ю. Князева) [6]

Эти строки пронизаны печалью, болью и безнадежностью, в то же время Мария воспринимает свои невзгоды как неизбежность, судьбу, выступая беспомощной жертвой сложившихся обстоятельств.

Законная шотландская королева лишена возможности находиться в своей стране, что является невыносимым. Мария Стюарт не может не думать о такой несправедливости, в «Элегии» она произносит:

And I'm the sov'reign of Scotland,
And monie a traitor there;
Yet here I lie in foreign bands,

And never-ending care. (XXIX-XXXII)

И я – единственный монарх

Шотландского венца –

Живу во вражеских стенах

С заботой без конца. [6]

А ведь ничего не предвещало Марии такой трагической судьбы. Говоря об этом, автор вновь пользуется контрастом. Марии, которой пришлось пережить стремительное падение, казалось, будущее сулило ей счастье:

I was the Queen o'bonnie France,

Where happy I hae been;

Fu'lightly rase I in the morn,

As blythe lay down at e'en. (XXV-XXVIII)

Я королевой всей страны

Во Франции была,

Мне снились радужные сны,

Блаженно я спала. [6]

Мария Стюарт в своей речи упоминает также свою соперницу, родственницу и виновницу своих несчастий, Елизавету I Тюдор. Обращаясь за помощью к английской королеве, шотландка и подумать не могла о грозившем ей пожизненном плене и позорной казни. Мария,

понимая, что она бессильна в борьбе со столь могущественной противницей, не перестает верить в справедливость и правосудие:

But as for thee, thou false woman,
My sister and my fae,
Grim Vengeance yet shall whet a sword
That thro' thy soul shall gae. (XXXIII-XXXVI)

Ничто не сможет уберечь
Тебя, сестра – мой враг,
Еще отточит месть свой меч
И свергнет тебя в прах. [6]

Автор противопоставляет образы Марии Стюарт и Елизаветы I. Он подчеркивает человечность Марии: шотландская королева перенесла много невзгод, она любила и была любима, жертвовала всем ради мужчин, совершала ошибки, которые стоили ей слишком дорого. Мария знает, что такое настоящее горе, страдания и жестокость, Елизавете же это неведомо. Она не знает земных радостей, никогда не ставила любовь и собственные чувства выше власти. Елизавета так и осталась одинокой и незамужней:

The weeping blood in woman's breast
Was never known to thee;
Nor th' balm that draps on wounds of woe
Frae woman's pitying e'e. (XXXVII-XL)

И не знаком любви цветок
Тебе; ни страсти пыл...
Ни слез целительный поток
Тебе неведом был. [6]

Мария Стюарт осознает, что она уже проиграла борьбу, но в сердце королевы живет надежда на победу, которую одержит ее маленький сын:

My son! My son! may kinder stars
Upon thy fortune shine;
And may those pleasures gild thy reign
That ne'er wad blink on mine! (XLI-XLV)
Мой сын! Мой сын! Пускай тебе
Путь звезды озарят!
И пусть достигнешь ты в борьбе
Чего желала я! [6]

Обреченно Мария понимает, что вскоре ее настигнет смерть. Она благодарна своим друзьям, поддерживающим ее и желающим помочь ей. В последних строках стихотворения несчастная шотландка говорит:

And in the narrow house of death
Let winter round me rave;
And the next flowers that deck the spring,

Bloom on my peaceful grave. (LIV-LVII)

В обитель смерти я сойду;

Зима оденет в лед,

Но пусть цветами, что взойдут,

Могила порастет. [6]

В этих словах звучит надежда Марии на светлое будущее, на то, что ее трагическая судьба побудит потомков бороться за родную страну.

Бернс, как и почти все его соотечественники-современники, воспринимал объединение Шотландии и Англии как настоящую трагедию шотландского народа. Мария Стюарт умерла больше, чем за век до унии 1707 года, но для Бернса ее смерть – тоже элемент исторической драмы Шотландии. Если бы шотландская королева не попала в плен к Елизавете I, возможно, судьба Шотландии сложилась бы по-другому: она могла бы остаться свободным и независимым государством. Бернс осмысляет личную трагедию Марии Стюарт как трагедию всей Шотландии. Обращаясь к образу Марии, он не только сочувствует самой королеве, но и печалится о судьбе всего народа.

Уильям Вордсворт, родившийся в 1770 г., был чуть менее, чем на двадцать лет, моложе Бернса, к тому же он не был шотландцем — Вордсворт был родом из графства Камберленд, расположенном на севере Англии.

Если Бернс воспринимал историю Марии Стюарт сквозь призму истории Шотландии, то отношение Вордсворта к трагедии Марии

Стюарт во многом определялось современными ему историческими событиями. Ярчайшим из них была Великая французская революция (1789-1799). Поначалу отношение Вордсворта к революции было положительным. В стихотворении «Водракур и Юлия» (Vaudracour and Julia, 1805), поэт, повествуя о трагедии влюбленных, сетует на то, что «глас свободы, который прокатился [ныне] по Франции», не коснулся несчастного Водракура. [4] Однако позже Вордсворт разочаровался в идее революции, хотя и пронес через всю жизнь уважение к борьбе за свободу и с неизменным сочувствием относился к человеческим горестям. [60, с. 315]

Со временем тон произведений Вордсворта становился все более консервативным. В своих стихотворениях, таких, как «Дион» (Dion, 1814), «Артегал и Алибур» (Artegal and Elidure, 1815)², в той или иной степени связанных с историей, Вордсворт бросает взгляд на древнее прошлое страны и вглядывается в будущее, они наполнены духом патриотизма.

В этих стихотворениях в какой-то мере проявляется реакция поэта на беспорядки в революционной Франции. Вордсворт обращается к древней истории, в попытках сформулировать философию политического спокойствия, которую можно было бы противопоставить революционному насилию. Французская революция привела Вордсворта к убеждению в полной утопичности просветительской доктрины.

² Артегал и Элидур, упомянутые Вордсвортом в названии, являются персонажами «Королевы фей» Э. Спенсера.

Вордсворт был сторонником христианской идеи бытия и убежденным сторонником классовой иерархии. Революционный террор во Франции казался ему свидетельством того, к каким печальным последствием нарушение изначальной иерархии может привести. Если Байрон сожалел о развале империи Наполеона и с симпатией относился к человеку, возвысившемуся за счет собственного таланта и воли, считая, что монархия изжила себя, то Вордсворт, в отличие от него, не испытывал симпатии к Наполеону, считая сильную монархию и аристократию залогом государственной стабильности и процветания.

Политическая философия Вордсворта была тесно связана с его этическими взглядами. Он не просто был сторонником монархии и аристократии, но и ожидал от правящих классов проявления высоких моральных качеств, поскольку считал, что этические и политические добродетели тесно связаны друг с другом. Для Вордсворта частная и общественная этика – есть одно, поскольку управлять другими способен лишь тот, кто может управлять собой.

Можно сказать, что религиозное благочестие Вордсворта наложило отпечаток на его восприятие истории, которую он был склонен рассматривать с точки зрения морали. Изображая исторические события и используя исторических персонажей, поэт стремился проиллюстрировать действие моральных принципов, пробудить в соотечественниках чувство патриотизма и национальной гордости.

Все это отразилось в стихотворении Вордсворта «Жалоба Мэри, Королевы шотландцев, в канун нового года» (Lament of Mary Queen of

Scots, on the Eve of a New Year), написанном в 1817 и впервые опубликованном в 1820 в цикле сонетов «Река Даддон» (River Duddon).

Каждая строфа стихотворения состоит из шести строк четырехстопного ямба с седьмым в ямбическом триметре, рифмованных с расхождением с чосеровской, или королевской рифмой. Как в самой ранней, так и в дошедшей до нас версии, стихотворение включает десять строф равной длины. Четвертая и пятая строфы в оригинале 1817 года впоследствии были исключены из опубликованной версии.

В драматичных исторических событиях, на фоне которых разворачивалась трагедия Марии Стюарт, Вордсворт видит отражение современных ему политических событий. Кровавая борьба за власть, развернувшаяся в XVI в. в Шотландии, вызывала ассоциации с жестокими репрессиями, накрывшими Францию после поражения Наполеона при Ватерлоо.

Вполне вероятно, что не только события во Франции натолкнули поэта на размышления о трагической судьбе шотландской королевы. «Жалоба Мэри» была написана вскоре после ставшей истинным горем для Англии смерти принцессы Шарлотты (7 января 1796 – 6 ноября 1817), дочери Георга IV и прямой наследницы престола.

Но образ Марии Стюарт, созданный Вордсвортом в «Жалобе Мэри», заставляет вспомнить и других царственных женщин. В бедах, выпавших на долю Марии, можно увидеть отражение несчастной судьбы королевы Каролины, жены Георга IV. Как и Марию, Каролину обвиняли в распутстве. Во время бракоразводного процесса, который затеял ее муж, Георг, на публику были вынесены многочисленные

подробности ее личной жизни. Как и Мария, Каролина была фактически законной королевой, лишенной титула. Георг IV запретил ей участвовать в коронации.

Возможно, еще больше, чем положению несчастной королевы Каролины, трагедия Марии Стюарт созвучна судьбе Марии-Антуанетты, французской королевы, жены Людовика XVI. Юная Мария-Антуанетта, как некогда Мария Стюарт, прибыла во Францию в качестве невесты дофина. Так же как Мария Стюарт, Мария-Антуанетта питала любовь к светским развлечениям, так же как шотландская королева она провела свои последние дни в заточении, за которым последовали суд и казнь. Более того, именно казнь Марии Стюарт создала прецедент для казни Карла I Английского, Людовика XVI Французского и Марии-Антуанетты.

Как нам известно из ее биографии, Марии, с детства окруженной почетом, предрекали великое будущее, короны трех королевств, однако впоследствии она, законная королева Шотландии, была вынуждена отречься от престола и бежать из собственной страны, чтобы, лишившись поддержки своего народа, уважения, титула, оказаться пленницей хладнокровной и хитрой Елизаветы I. В стихотворении «Жалоба Мэри» Вордсворт вкладывает в уста Марии размышления о превратностях ее нелегкой судьбы, о вине и невинности, бесчеловечности тяжелых испытаний, выпавших на ее долю.

Увы! Рожденной так высоко

Упасть так низко с высоты... [7]

Речь Марии проникнута страданием и чувством безысходности:

Надежды, отлетели вы.

Что впереди? Печаль без меры.

Грядущие мгновенья серы,

Неумолимы и мертвы. [7]

В заточении Мария Стюарт с горечью размышляет о роковой роли, которую в ее судьбе сыграли чувства и страсть, о том, какую злую шутку с ней сыграла собственная природная красота:

А красота стремится в сети

Любви, познав ее едва,

И преждевременно жестоко

Седеет наша голова. [7]

Мария не могла жить без любви и отдавалась ей без остатка. Любовь была для Марии смыслом жизни, ради своих возлюбленных королева забывала о государственных делах, не думая, совершала поступки, которые погубили ее репутацию.

Размышляя о причине своих несчастий, Мария жалеет о своем королевском происхождении. Своему высокому положению шотландская королева готова предпочесть простые радости, доступные обычному человеку.

Когда б мое не знало око

Иной на свете красоты,

Чем цветики простые в поле,

Я б не испытывала боли, -

Что, сан мой, придаешь мне ты! [7]

Перед читателем предстает одинокая женщина, покинутая всеми, чуждая веселью, которое должно охватить народ, приветствующий наступление Нового года.

Центральный образ стихотворения – луч лунного света, символ духовной надежды и веры. Проникший в помещение камеры одинокий луч как бы намекает на то, что, несмотря на заточение и предательства друзей, королева еще надеется на светлое будущее:

А все же этот луч лучистый

Упав в тюрьму, как на сосну

В лесах Шотландии скалистой,

Он навещал меня одну. [7]

В соответствии со своими убеждениями в том, что монарх должен обладать сильным нравственным чувством, Вордсворт, изображая Марию, наделяет ее силой духа и стремлением к моральной чистоте. В ее словах звучит искреннее религиозное чувство.

Один лишь крест остался ныне

Усладой в горестной пустыне [7]

Лишившись свободы и поддержки друзей, распрощавшись с надеждой на освобождение, королева обращается за помощью к Богу:

Господь, одно просить я смею,

Ведь мысли – все, что я имею,

Так в чистоте их сохрани. [7]

Как мы знаем, Елизавета дала приют Марии, понимая, что соперницу лучше держать под присмотром. Английская королева видела в шотландке угрозу своей власти, она ставила государственные интересы превыше чувств. В стихотворении Вордсворта, Елизавета предстает перед читателем равнодушной тюремщицей, лишенной сострадания к несчастной родственнице, — такой она представляется Марии.

Владеет женщина ключами
Темницы, где влачу я дни,
И равнодушными очами
Глядит на горести мои. [7]

Стихотворение завершается внезапным появлением рассказчика, который от третьего лица сообщает о смерти Марии:

Но много лет промчалось мимо,
Пока она, тоской томима,
На плахе обрела покой. [7]

Можно предположить, что «Элегия Марии, Королевы Шотландской, на приближение весны» Р. Бернса оказала влияние на У. Вордсворта. По объему «Жалоба Мэри, Королевы шотландцев, в канун нового года» У. Вордсворта примерно соответствует поэме Р. Бернса. В оригинале оба стихотворения названы «Lament», жалобой, плачем, оба, за исключением последней строфы стихотворения Вордсворта, представляют собой речь Марии, написанную от первого

лица, в обоих горестный тон королевы контрастирует с радостью, царящей в природе — у Бернса, или среди народа — у Вордсворта.

Обе поэмы проникнуты чувством жалости к несчастной шотландской королеве, оказавшейся в центре жестокой политической борьбы, пережившей предательства и крушение своих надежд. И Бернс, и Вордсворт с симпатией относятся к шотландской королеве, но, если Бернс превозносит Марию как символ борьбы шотландцев против английского господства, то Вордсворт сочувствует Марии, поскольку верит, что неприкосновенность монарха является залогом нерушимости социальной иерархии, его убийство — нарушение мирового порядка, ведущее к горестным последствиям. Доказательством этого для поэта служило бедственное положение, в котором оказалась послереволюционная Франция.

2.2. Образ пленной королевы в романе В. Скотта «Аббат»

Вальтер Скотт был всего на год моложе Вордсворта. И Скотт, и Вордсворт, начинали свою творческую карьеру вскоре после Великой французской революции. Подобно своему старшему современнику Роберту Бернсу, которого Скотт высоко ценил [47, с. 15], писатель был истинным патриотом, он с детства любил шотландскую народную поэзию и впоследствии одними из первых его произведений стали стихи, написанные в подражание древним балладам. Скотт много путешествовал по стране, был свидетелем изменений в жизненном укладе, которые происходили под влиянием экономических перемен. Эти изменения не всегда были положительными, и Скотт тяжело переживал бедствия, выпадавшие на долю его народа. Однако, с грустью наблюдая гибель патриархальной Шотландии, Скотт не идеализировал прошлое. Как отметил Б. Г. Реизов, Скотт «пытался сочетать патриархальные традиции с новыми экономическими условиями и полагал, что такое сочетание поможет безболезненной эволюции к более благополучным формам общественной жизни». [47, с. 12] В своей монографии, посвященной творчеству Скотта, исследователь выводит знаменитую формулу, описывающую суть мировоззрения писателя, называя его «прогрессивным традиционалистом» [48, с. 308].

В 1816 г. Скотт впервые посетил имение Блэр-Адам, расположенное на берегу Лохливленского озера. На острове посреди озера возвышались руины замка Дугласов, напоминавшие о заточении Марии Стюарт. С этого времени писатель стал периодически приезжать в эти места, встречаться с местными любителями шотландской

истории. Именно здесь у Скотта и родилась идея создания романа, рассказывающего о периоде заточения шотландской королевы в Лохлиvene. [9, с. 568]

«Аббат» был опубликован в 1820 г. Этот роман вместе с «Монастырем» (The Monastery) составляет цикл «Истории из бенедиктинских источников» (Tales from Benedictine Sources). Время действия «Монастыря» — начало Реформации в Шотландии. «Аббат» продолжает историю персонажей «Монастыря», хотя в нем появляются и некоторые новые действующие лица, например, Роланд Грейм.

«Монастырь» не имел успеха у публики, на автора обрушилась яростная критика. Исследователи первой половины XX в. Герберт Грирсон и Эдгар Джонсон, полагали, что Скотт вторым романом хотел завоевать интерес читателей, но Кристофер Джонсон, редактор одного из изданий «Аббата», не согласился с этой гипотезой, указывая, что замысел романа родился у писателя уже летом 1817 г. [3].

Предполагается, что изначально автор хотел включить историю тюремного заключения и побега королевы в роман «Монастырь», но в итоге решил разбить материал на две части, и лишь потом придумал окончательное название для второго романа. Возможно, это было связано с коммерческим интересом. Скотт нуждался в деньгах. Фирма его друга издателя Дж. Баллантайна обанкротилась, и писатель взялся выплатить 120 тысяч фунтов стерлингов, которые тот был должен кредиторам.

Оценив общественную реакцию на предыдущий роман, Скотт реорганизовал имевшийся материал и вместо продолжения создал автономное повествование. Изначально автор планировал сделать местом действия Мелроузское аббатство, которое фигурирует в

«Монастыре» как Кеннаквайрское, но в итоге история Кеннаквайрского аббатства была вытеснена другим материалом.

В ответе автора «Уэверли, или Шестьдесят лет назад» капитану Клаттербаку, который якобы передал ему рукопись своего друга, монаха-бенедиктинца, сообщается о сокращениях и изменениях, сделанных в изначальном тексте. Признавая, что название романа не очень соответствует его содержанию, автор «Уэверли» объясняет свое нежелание его менять необходимостью сохранить связь истории «Аббата» с той, что рассказывается в «Монастыре». [9, с. 16-17]

В предисловии к роману «Аббат» Скотт пишет: «С чувствами надежды и тревоги я отважился пробудить в своем романе память о королеве Марии, столь привлекательной своим умом, красотой, трагической участью и той атмосферой тайны, которая сейчас и, видимо, вечно будет связана с ее историей». [9, с. 14] Ниже автор сравнивает себя с чародеем, вызывающим могущественного духа и неуверенным, сможет ли он справиться с ним [9, с. 15]. Несомненно, Скотт относился с симпатией к несчастной королеве Шотландии. Как и большинство его соотечественников, писатель восхищался Марией, несмотря на обвинения, выдвигавшиеся в ее адрес. В «Аббате» он лишь вскользь упоминает о приписываемых ей интригах: о ларце с письмами к Босуэллу, который был перехвачен лордами и стал основной уликой в споре о причастности королевы к смерти Дарнли.

Для Скотта, как и для Бернса, Мария являлась символом связи со стариной, но при очевидной личной симпатии, писатель понимал, что поражение шотландской королевы было необходимо для продолжения исторического развития. В 1828 году в письме своему зятю Локхарту, который впоследствии стал его биографом, писатель сообщает: «Вряд

ли чью-нибудь жизнь я мог бы описать с большей легкостью, чем жизнь Марии Стюарт, но этого я ни в коем случае не стану делать, так как мой взгляд на события ее жизни противоречит как народным чувствам, так и моим собственным» [9, с. 569]

Скотт соглашался с тем, что низложение Марии, ее пленение и казнь поставили точку в вопросе о существовании самостоятельного шотландского государства, и все же понимал, что, несмотря на решительность ее приверженцев, попытки Марии вернуть себе престол были обречены на провал, поскольку невозможно было отменить изменения, уже коснувшиеся общественного строя Шотландии.

Мария не могла бы быть королевой новой протестантской Шотландии, ведь пуритане считали ее грешницей и блудницей. Любовь к французской культуре, моде, книгам, ее многочисленные любовные связи, — все это было причиной неприязни, которую питали к Марии сторонники новой веры.

Как известно, художественный метод Скотта состоял в том, что он, описывая исторические события, вводил в них вымышленных героев, с действиями которых была связана собственно романная интрига. Б. Г. Реизов отмечает: «В вымышленном персонаже можно воплотить больше исторической правды, чем в персонаже историческом».[48, с. 307] Вымышленный герой, создавая которого, писатель стремился изобразить дух и нравы эпохи, становится участником истории, делает свой исторический выбор.

Одним из важнейших персонажей такого рода в «Аббате» является Роланд Грейм, вспыльчивый, живой и энергичный юноша с добрым сердцем. Роланд сирота. Однажды собака Эвенелов вытащила из воды тонущего мальчика, которого взяла на воспитание леди Эвенел, — это

был маленький Роланд. Мальчик был очень красив: «Леди Эвенел пристально всматривалась в красивое бледное личико ребенка». [9, с. 9] Когда за юным гостем пришла старуха, Мэгделин Грейм, которая представилась его бабушкой, женщины решили, что для Роланда будет лучше остаться в замке.

С семьей Эвенелов связаны также два персонажа: протестант капеллан мистер Уорден, и католик отец Амвросий. Между Уорденом и юным Роландом вскоре возникает взаимная антипатия, и мальчик стал сближаться с отцом Амвросием, который приходился братом хозяину замка, сэру Хэлберту. На примере братьев Эвенел Скотт показывает, как религиозные противоречия вносили раскол в семьи: родные братья вынуждены были идти друг против друга не только в религиозной, но и в политической борьбе.

Роланду было легко сойтись с отцом Амвросием, поскольку в раннем детстве бабушка воспитывала его в католической вере. Она была сторонницей шотландской королевы и намеревалась посвятить свою жизнь и жизнь своего внука правому делу — освобождению Марии Стюарт и возвращению ей шотландской короны.

Из-за вспыльчивого характера Роланд однажды ввязался в перебранку с сокольничим Эвенелов и был изгнан из замка, где провел свое детство. Некоторое время герой проводит со своей бабкой Мэгделин, через которую знакомится с бывшей фрейлиной королевы Кэтрин Ситон — позже она станет его союзницей в борьбе за возвращение Марии шотландского трона. Молодой паж совершает подвиги ради Кэтрин, а его возлюбленная полностью посвятила себя служению королеве и мечтает лишь о ее освобождении. Вскоре сэру Хэлберту вновь встречается Роланд и принимает его в свою свиту. Затем

Роланд поступает в услужение к графу Морею (в переводе «Аббата» — Мерри), и по его поручению отправляется в Лохливен, чтобы прислуживать заточенной там Марии.

В самом конце романа читатель узнает, что Роланд приходится двоюродным братом леди Эвенел. Он наследует Эвенелам и женится на своей возлюбленной Кэтрин. Роланд и Кэтрин — одна из самых ярких молодых пар в творчестве Скотта, но все же «Аббат» — не просто история любви, это также история противостояния католицизма и протестантизма. Судьбу главного героя определяют персонажи, которые в своих действиях руководствуются прежде всего политическими мотивами — Мэгделин, Глендининг, граф Морей, Мария Стюарт. Частная жизнь людей оказывается в романе гармонично связана с социально-политической реальностью.

Когда молодой человек впервые видит Марию Стюарт, он оказывается поражен ее красотой, грацией, манерами, умением найти подход к каждому человеку. Сокольничий Адам Вудкок, выразитель взглядов простого народа, также с восторгом отзывается о королеве: «А все же, что там не говори, много честных сердец будет горевать о Марии Стюарт, если даже все, что люди болтают о ней, — чистая правда; ибо видишь ли, мейстер Роланд, она была самым очаровательным созданием на свете, которого я видел, и ни одна леди во всей стране не любила больше, чем она, следить за гордым полетом сокола. Видел бы ты, как она гарцует на своей белой лошадке, которая летит стрелой, словно гнушаясь ступить на землю; слышал бы ты ее голос, нежный и звонкий, как пение малиновки среди веселого гиканья и свиста; поглядел бы, как толпились вокруг нее вельможи! Счастливейшим из смертных был тот, кому она скажет хоть словечко

или на кого глянет мельком; всякий готов был мчаться во весь опор, не разбирая дороги, рискуя сломать себе шею, чтобы заслужить от нее похвалу своему умению ездить верхом и хоть на миг привлечь к себе взгляд ясных глаз красавицы-королевы. Да, не видать ей соколиной охоты там, где она находится сейчас. Ох, и недолго же длятся всякие роскошества и удовольствия – все равно как взмах соколиного крыла...» . [9, с. 209-210]

Мария полна мудрости и собственного достоинства. Когда королеву заставляют отречься от престола, она говорит: «Если нельзя противиться злу, приходится ему подчиниться». [9, с. 324] Даже отступник Линдсей восхищен силой духа Марии: «Я преклоняюсь перед мужеством твоего духа. Я склоняю колена перед Марией Стюарт, а не перед королевой» [9, с. 326].

Королева остра на язык, она не упускает случая задеть леди Лохливен, то и дело острит на тему связи нынешней рьяной протестантки со своим отцом: «О, миледи, — ответила королева, — у моего отца бывали не только фавориты, но и фаворитки — леди Сэндилендс и Олифант, а также и некоторые другие, насколько мне помнится; впрочем, их имена не могли сохраниться в памяти такой серьезной особы, как Вы». [9, с. 498]

В разговоре со своими верными подданными венценосная шотландка отмечает, что если бы не ошибка молодости леди Лохливен, — ее порочная внебрачная связь с Яковом V, от которого она родила сына, графа Морей, — то яростную протестантку нельзя было бы ни в чем упрекнуть, но одна эта оплошность перечеркивает все ее старания быть добродетельной.

Скотт показывает, как в королеве слабая женщина борется с волевым правителем. Временами последний одерживает верх: Мария сама ведет в бой своих солдат. И все же ее душевные качества и характер гораздо больше подходят для любви, чем для решения политических задач, с которыми прекрасно справляются ее жестокие и властолюбивые противники. В романе Скотта личное обаяние королевы контрастирует с ее беспомощностью в государственных делах. Мария изображена жертвой ее же собственных слабостей и ошибок.

Драйфсдейл, дворецкий замка Лохливен, часто называет королеву «моавитянкой»: «Мне бы очень хотелось получить добрый совет у священника, — ответил дворецкий, не обращая внимания на упрек своей госпожи. — Эта моавитянка...» [9, с. 452]. В Библии о моавитянах говорится с неприязнью, они считаются отверженными, само слово употребляют как бранное. Моавитяне не помогли евреям, не дали хлеба и воды, призвали своего бога наслать проклятье на народ Господень. В течение восемнадцати лет моавитяне властвовали над евреями, но затем евреи стали карать моавитян. Таким образом, называя Марию моавитянкой, Драйфсдейл подчеркивает чуждость Марии. Сыграло роль ее французское воспитание, интерес к моде, любовь к балам, маскарадам и развлечениям, равно как и то что, вскоре по приезде в Шотландию, Мария окружила себя французами — в результате для части своих соотечественников легкомысленная и воспитанная в другой вере Мария стала совершенно чужой.

Королева, любящая веселья и развлечения, нередко предстает перед читателем в состоянии меланхолии. Проводя свои дни в заточении, королева с тоской вспоминает о былых временах и о тех, кто пострадал из-за нее: Риччо, лорде Дарнли, Босуэлле и др.

Обаянию королевы невозможно противостоять: даже Джордж Дуглас, член семьи владельцев замка, куда заточили шотландскую королеву, влюбившись в нее, пошел против своей семьи. Джордж предпринимает попытку освободить прелестную шотландку, но после того как его замысел раскрыт, он оказывается вынужден бежать.

После неудачи Джорджа за освобождение королевы взялся Роланд. Он подменил и выкрал ключи — в реальности то же самое проделал четырнадцатилетний Вилли Дуглас, воспитанник хозяев замка. В освобождении королевы принимал участие и отец Амвросий. Побег удался, тревога поднялась в замке, когда лодка с королевой была уже на пути к другому берегу.

Вскоре состоялась битва между сторонниками королевы и лордов конгрегации. Католики потерпели поражение, а Марии Стюарт пришлось написать своей родственнице, английской королеве, Елизавете I Тюдор, с просьбой предоставить ей убежище. Шотландская королева вместе со своими фрейлинами отправляется в Англию, но затем сообщается, что через два года Кэтрин возвращается в Шотландию из-за ужесточения условий содержания Марии.

Когда Мария отплывает в Англию, аббат произносит: «Это безумие и гибель. <...> Лучше отдать себя в руки диких горцев или пограничных разбойников, чем довериться Елизавете. Женщина доверяется своей сопернице! Претендентка на престол отдает себя в руки завистливой и бездетной королевы!» [9, с. 554-555]

Напомним, что у отца Амвросия были веские основания назвать Марию Стюарт претенденткой на английский престол, ведь, как мы знаем, по материнской линии она была внучкой английского короля Генриха VII, а Елизавету, убежденную протестантку, католики считали

незаконной дочерью Генриха VIII. К тому же, английская королева, в отличие от Марии Стюарт, не блистала красотой, живостью характера и обаянием. Следовательно, свою роль могла сыграть и женская зависть. Наконец, в словах отца Амвросия слышен отзвук религиозного противостояния: католическая королева доверяет свою жизнь не только своей политической, но религиозной и психологической противнице.

Протестанты притесняют католиков, разоряют монастыри. В романе описывается сцена маскарада, когда протестанты, взрослые и дети, переодетые в шутовские костюмы, ворвались к католическим монахам, устроили пляски и веселились в стенах монастыря: «Толпа, остановленная этим возгласом, имела крайне причудливый вид. Она состояла из мужчин, женщин и детей, потешно выраженных различнейшим образом и державшихся группами – одна пестрее и причудливей другой. Какой-то парень с маской в виде лошадиной головы, с привязанным сзади конским хвостом и покрытый длинной попоной, позволившей мысленно добавить к морде и хвосту недостающий лошадиный корпус, изображал иноходь, делал крутые повороты на месте, вставал на дыбы и пускался в галоп. Соперничая с ловкостью и проворством этого персонажа, выступил вперед другой лицедей, изображавший более страшное существо – огромного дракона с позолоченными крыльями...» [9, с. 169]

В этой сцене ярко проиллюстрированы недовольство народа католической церковью и непоследовательность ее приверженцев. Когда отец Амвросий приходит в замок Лохливен, он ловко проводит вокруг пальца хозяйку-протестантку, считая, что ради «святого дела» можно пойти на обман, а ревностную католичку Мэгделин Грейм многие герои считают воплощением отжившего порядка.

Понимая неизбежность поражения католицизма, Скотт не идеализирует ни одну из противоборствующих сторон. Не только католики, но и протестанты не выглядят достойно в религиозной борьбе. Скотт показывает читателю бессердечных протестантских проповедников, лордов, желающих заполучить монастырские земли, воспользовавшись нестабильной политической ситуацией в стране. Часто и протестанты, и католики, прикрываясь религиозными соображениями, преследуют, на самом деле, материальные интересы. Католическая шотландская церковь была очень богата: монастыри владели обширными землями, имели большой доход. Католицизм ассоциировался с несправедливостью: неравномерное распределение благ, обязательный налог, крепостной труд. Новая религия шотландцев, способствующая духовному подъему нации, освободила людей от церковного налога, но в то же время дала возможность баронам нажиться, захватив церковные земли. Вместе с тем, по обе стороны баррикад находятся люди, готовые отдать свою жизнь во имя высшей цели.

Сторонниками королевы выступают феодалы, олицетворяющие прошлое. Они стремятся в первую очередь прославиться своей доблестью, решаются на безрассудства, которые не всегда способствуют успеху дела. Приверженцы королевы собрали многочисленное войско, но, несмотря на это, оказались в проигрышном положении, решив пройти маршем мимо Глазго.

Протестантов же Скотт изобразил талантливыми политиками и полководцами. Одним из наиболее ярких персонажей протестантов является брат шотландской королевы, граф Морей. Скотт наделяет его противоречивым характером. Морей властолюбив, но благороден и

задумчив. Пользуясь беспечностью королевы равно как и расположением, которое Мария испытывала к нему, Морей отнял у нее власть. В то же время он требует уважения к Марии. Морей отождествляет себя с государством, и пытается предостеречь Марию от вреда, который она может причинить себе и государству.

Грейм хочет ясности в общественной и политической ситуации, ведь из-за этой борьбы он не может стать собой, служить себе и своим интересам.

Можно сказать, что в романе, помимо протестантов и католиков, присутствует и третья сторона — народ, его представителей Скотт изображает не слишком заинтересованными в религиозном вопросе: они любят, как и прежде, выпить, повеселиться, устраивают веселые празднества и маскарады. За душу народа борются аббаты и проповедники. Отметим, что в конце Роланд начинает колебаться в правильности католической веры, а в последней главе сообщается, что он давно хотел перейти в протестантизм, но боялся обидеть отца Амвросия и Мэгделин. Теперь, когда их больше не было рядом, препятствия для перехода в другую веру исчезли.

В романе есть эпизод, который показывает, насколько далек простой человек от политической борьбы, он, труженик, мечтает о мире и стабильности. Когда Мария Стюарт бежит из замка, она переправляется в сад, которым владеет старик, бывший некогда аббатом. Он вспоминает, что некогда перед ним склоняли колена королевы. Старик просит несчастную шотландку, чтобы ее сторонники не разбивали лагерь на его земле и не топтали его сад, в который он вложил столько труда. В это беспокойное время бывший аббат переживает за свой сад и хозяйство, которым успел обзавестись: «Я

повторяю, что не могу винить ее за то, что она хочет вырваться на волю. Но почему при этом должен страдать я и моя безобидная беседка, которую я выстроил собственными руками, должна стать местом для тайных сборищ?» [9, с. 408] Старик не играет в действии романа сколь-нибудь заметной роли, но эта маленькая сцена с его участием важна, поскольку дает читателю возможность увидеть кровавую борьбу за власть глазами частного человека, не имеющего отношения к придворным интригам.

Работая над романом, Скотт использовал множество исторических источников, рассказывающих об описываемых им событиях, среди них были и тексты протестанта Джона Нокса, религиозного противника Марии Стюарт, и собрание свидетельств о жизни шотландской королевы «Жизнь и деяния Марии, королевы Шотландской» (*De vita et rebus gestis serenissimae principis Mariae Scotorum reginae*, 1725) Самуэля Джебба. Тем не менее, как отметил В. Шор, в «Аббате» имеется множество отступлений от исторических фактов.

Скотт не упоминает о том, что в заточении королева родила от Босуэлла детей. Если верить официальному сообщению, королева родила двух мертвых младенцев: данная версия детально прорабатывается в романе Джин Плейди «Пленная королева Шотландии» (*The Captive Queen of Scots*). Высказывались также предположения и о том, что, поскольку рождение младенцев доказывало связь королевы с Босуэллом еще при жизни законного мужа, Мария сделала аборт на позднем сроке. Брак королевы с Босуэллом состоялся за месяц до ее заточения, но Скотт редко упоминает о третьем муже Марии, как будто он остался в далеком прошлом.

Для обострения драматизма автор преувеличивает жесткость режима содержания Марии в Лохлиvene. Хотя, скорее всего, атмосфера в замке Лохливен и правда была напряженной. Королева находилась под надзором Маргариты Дуглас, матери графа Морea, которая, вполне вероятно, испытывала личную неприязнь к Марии: мать шотландской королевы, Мария да Гиз была соперницей Маргариты, имевшей роман с Яковом V и родившей от него сына.

В XXII главе «Аббата» описывается встреча лордов Линдсея, Рутвена и Роберта Мелвила с Марией. Лорды требуют, чтобы Мария отреклась от престола. Королеве, которая старалась не терять самообладания, становится не по себе при виде Рутвена, который был сыном Патрика Рутвена, убийцы фаворита королевы Давидо Риччо: «Не удивительно поэтому, что королева, которая так много пережила, когда при ней совершалось это кровавое злодеяние, до сих пор еще испытывала невольный ужас перед его главными участниками». [4, с. 307]

В романе Роланд доставляет Марии в ножнах шпаги послание от верных лордов, хотя в реальности это сделал Роберт Мелвил, дипломат, выступавший за мирное урегулирование конфликта. Джордж Дуглас в действительности был младшим сыном леди Лохливен, а в «Аббате» Скотт сделал Джорджа ее внуком. С детства фрейлинами королевы были четыре Марии. В романе же упоминаются только Мэри Флеминг, которую по сюжету автор делает моложе, а вместо Мэри Ситон Скотт вводит вымышленного персонажа — Кэтрин Ситон.

Согласно Б. Г. Реизову, Скотт мыслил эпоху как комплекс интересов общества, политических событий и состояния всего народа. По Скотту, деятельность исторических фигур определялась

нравственным состоянием общества и происходящими общественными процессами. Поведение правящих фигур должно оцениваться с точки зрения современных им взглядов, казавшихся единственно логичными. Поэтому Елизавета I, обладавшая волевым характером и умом, поступки которой удовлетворяли интересам народа, оказывается победительницей в политической борьбе.

Марию Стюарт Скотт изображает жертвой обстоятельств. Королева – нежный друг своим приближенным (например, Кэтрин Ситон), она мечтает о мире, согласии и гармонии. Автор сочувствует Марии Стюарт, хотя и понимает: исторические события сложились так, что что ее судьба была предрешена, и ни она, ни ее могущественные сторонники не могут ничего изменить.

2.3. Образ Марии Стюарт как *la femme fatale* в творчестве А. Ч. Суинберна

Алджернон Чарлз Суинберн (1837-1909) является одним из крупнейших драматургов викторианской эпохи. Годы его жизни почти полностью совпадают с годами правления королевы Виктории, которая в 1837 взошла на английский престол и умерла в 1901.

Страсть и чувственность были под запретом в викторианской Англии. В обществе соблюдался строгий моральный кодекс. Это отразилось и в одежде того времени: в моде были закрытые женские платья с высокими кружевными воротниками, дурным тоном считалось выходить без шляпки и перчаток. В литературе и искусстве царили морализаторство и преклонение перед канонами.

В середине XIX в. в Англии возникает движение прерафаэлитов. Следуя традициям романтизма, они противопоставляют викторианскому стремлению к рационализму в искусстве интерес к религиозно-мистической практике Средневековья. Основателями братства стали Данте Габриэль Россетти, Уильям Холман Хант, Джон Эверетт Милле, — студенты Королевской академии художеств, находившиеся под влиянием выступлений чартистов в Англии и революционных настроений 1848 г. в Европе. Молодые люди выступали против академического искусства, родоначальником которого они видели Рафаэля. По мысли прерафаэлитов, истинное искусство, духовное и искреннее, к которому необходимо возвращаться, — это искусство до Рафаэля.

Прерафаэлиты хотели возродить моральность, искренность, важную роль в их творчестве играла природа, они придавали сакральный смысл цвету, а картины уподобляли средневековым фрескам. Они тяготели к синтезу искусств, пытаясь придать поэзии живописность, а в живописи часто использовали литературные сюжеты. Свои полотна художники подписывали «ПРБ» (PRB) – «Братство прерафаэлитов». Позже к братству присоединились скульптор Томас Вулнер, Уильям Майкл Россетти (младший брат Данте Габриэля), Джеймс Коллинсон, Ф. Дж. Стефенс. Данте Габриэль Россетти хотел, чтобы их количество ограничилось магическим числом семь, поэтому имевшие отношения к «Братству» Форд Мэдокс Браун, живописец и прежний наставник Д. Г. Россетти, как и Кристина Джорджина Россетти, поэтесса и сестра братьев Россетти не принадлежали к братству. [34, с. 483-484]

Алджернона Чарлза Суинберна можно назвать одним из самых талантливых последователей Д. Г. Россетти. Потомок древнего аристократического рода, Суинберн сблизился с прерафаэлитами, когда учился в Оксфордском университете. Он мечтал о наступлении эпохи демократии и свободы. Известность пришла к Суинберну после публикации стихотворной трагедии «Атланты в Калидоне» (1865). Критики отмечали многообразие ритмических форм, мелодичность его стиха, превозносили трагедию Суинберна за тонкое подражание стилистике античной драмы. В том же 1865 году был создан «Шателляр» (Chastelard), стихотворная драма и первая часть трилогии о Марии Стюарт. Вторая часть «Босуэлл» (Bothwell) появилась в 1874 году, а третья часть, «Мария Стюарт» (Mary Stuart), вышла в 1881 году. [34, с. 496-497]

Суинберн был знатоком елизаветинской литературы. Несколько его работ посвящены творчеству Шекспира и современников, следовательно, можно предположить, что елизаветинская драма оказала влияние на писателя. В 1887 году Суинберн создает трагедию «Локрин», источником которой считается приписывавшаяся Шекспиру пьеса 1595 года «Печальная трагедия Локрина, старшего сына короля Брута, повествующая о войнах британцев». «Печальная трагедии Локрина» написана витиевато, ее текст полон сложных метафор и мифологических аллюзий, язык трагедии Суинберна, напротив, умышленно прост и приближен к естественной речи.

На самом деле, можно сказать, что главной героиней легенды о Локрине является вовсе не Локрин, а Гвендолен, ставшая по праву первой британской королевой. Неудивительно поэтому, что между появлением интереса к этому эпизоду легендарной истории и женским правлением в стране прослеживается четкая закономерность. Особую популярность история Локрина и Гвендолен приобретала во время войны Стефана и Матильды, а также в елизаветинскую и викторианскую эпохи. [16]

В елизаветинскую эпоху противостояние Гвендолен и Эстрильды нередко рассматривалось как отражение борьбы Елизаветы и Марии, в таком случае симпатии сторонников английской королевы оказываются на стороне Гвендолен. Именно с такой позиции взирает на события легенды автор «Печальной трагедии». В этом тексте Гвендолен отличается чувством долга и постоянством, Эстрильд же непостоянна, во всем ищет свою выгоду, жаждет власти и богатства, по сути, она является отрицательной героиней. Локрин идет на верную гибель: он

выбирает Эстрильд. «Печальную трагедию» можно рассматривать как произведение о противостоянии законной и незаконной королевы. Жестокие действия Гвендолен оправдываются государственными интересами, хотя смерть Сабрин и бросает тень на праведность королевы. Эстрильда же тщеславна, она хочет стать королевой любыми способами. Завершается пьеса монологом Аты, богини мщения и ослепления, в котором она осуждает изменников, подверженным любовным страстям, и просит наказать тех, кто угрожает деве, которая правит страной 38 лет, принося мир и счастье. [16]

Но существовала и другая точка зрения на события легенды — в качестве примера таковой можно привести поэму Т. Лодджа «Жалоба Эстрильд», опубликованную в 1593 году в качестве приложения к циклу сонетов «Филлис». Лодж предлагает рассматривать легенду о Локрине как аллегория противостояния Марии Стюарт и Елизаветы I в борьбе за Англию, которую олицетворяет Локрин, но, поскольку он тяготеет к католицизму, его симпатии оказываются на стороне Эстрильд и ее дочери Сабрины, а Гвендолен предстает перед читателем бессердечной ревнивицей.

Почти через четыре века после своих предшественников-елизаветинцев Суинберн обращается к истории противостояния Гвендолен и Эстрильды. В его трагедии брак Локрина и Гвендолен заключен не по любви, муж относится к жене как к сестре, а не как к возлюбленной. Гвендолен оказывается не только обманутой женой, но и жертвой безответного чувства. Союз Локрина с его пленницей Эстрильдой является искренней взаимной любовью. Она полностью поглощает Локрина, Гвендолен же находится под властью гнева, таким

образом, оба супруга являются жертвами страсти, затуманившей их рассудок. Король боится причинить боль законной жене, поэтому вынужден скрывать любовную связь с Эстрильдой, от которой у него есть дочь Сабрина. Образ Эстрильды, который создается в трагедии Суинберна, близок викторианскому идеалу скромной, спокойной семейной женщины. [17] Но это отнюдь не говорит о том, что симпатии Суинберна находятся на стороне Эстрильды, ведь он стремился бросить вызов викторианской морали.

Суинберн отрицает уклад современной викторианской Англии. Обращение к прошлому становится для поэта способом бегства от действительности. Он противопоставляет себя современным английским поэтам, во многих темах расходится с ними во взглядах, например, изображая Марию Стюарт, Суинберн сознательно удерживается от идеализации ее образа. [39, с. 101-103]

Поэт с детства любил Шотландию, там он провел много времени гуляя по сельской местности, наведываясь в замок Эрмитаж, принадлежащий некогда графу Босуэллу. Кроме того, Суинберн всегда тяготел к католицизму, даже утверждал, что его предки были католиками. Родители Суинберна подумывали выбрать для сына карьеру священнослужителя, правда, англиканской церкви. Не удивительно, что Суинберн противопоставлял католичку Марию Стюарт ее пуританским противникам. [54] Восстание королевы против пуританских взглядов можно рассматривать и как собственный протест автора, бросившего в своей трилогии вызов викторианской морали.

Мария Стюарт была для Суинберна не просто героиней национальной истории, она была романтической личностью, бросающей вызов общественным нормам, и требующей служения Прекрасной Дамой — этот образ вновь стал актуальным в связи с прерафаэлитским культом красоты и интересом к средневековью. Кроме того, Энтони Харрисон отмечает, что Суинберн испытал влияние французской средневековой литературы, и в частности, поэзии трубадуров и тема куртуазной любви была ему близка. [58]

Трилогия, посвященная истории Марии Стюарт, построена по четкому принципу: в каждой драме автор выделяет главного героя, каждому акту дается имя одного из персонажей.

Первая пьеса в трилогии «Шателюра» носит имя влюбленного в Марию поэта. Охваченный страстью, он пробирается в покои королевы. Когда его присутствие обнаруживается, Мария, испугавшись, просит своего сводного брата, графа Моррея, отомстить обидчику, поставившему под сомнение ее репутацию.

Е. А. Бубнова указывала на стилистическое сходство «Шателюра» с елизаветинской драмой: влюбленный поэт, пытаясь добиться расположения королевы, компрометирует ее, а потом расплачивается за это жизнью. Смерть за любовь — основная тема произведения. Каждый, кто любим королевой, оказывается обречен на смерть. Исследовательница также отмечает, что история в «Шателюре» отражена довольно поверхностно, добавляя что «сам Шателюр, по всей вероятности, фигура вымышленная». [12, с. 262]

О «Шателюре» были разные отзывы: пьесу критиковали за антиисторичность образа королевы Шотландии, и в то же время

восхищались разноплановостью ее образа. Многие отмечали силу поэтического выражения. [62, с. 26-32] В отзыве о пьесе в журнале «Атенеум» (Athenaeum) отмечается, что «Шателляр» ценен «красотой слога». Речь героев наполнена изящными метафорами и сравнениями [12] Так, Мэри Битон говорит, что ее уста «одного цвета» с ее сердцем. Любовь Дарнли к Марии уподобляется «шиповнику, что ранит плоть».

Многие критиковали Суинберна за безнравственность. Возмущение читателей вызывали любовные интриги, откровенные чувственные детали в описании любовных интриг, физическая природа влечения главных героев, — все это выходило за рамки приличия. [59, с. 26-32]

В «Шателляре» Мария предстает поверхностной притворщицей, которая восхищает мужчин своим звонким смехом, взмахами ресниц, нежными взглядами и любовными клятвами. Мария непостоянна: сначала она просит Морюя убить Шателляра, а потом хочет его помиловать, играя не только чувствами влюбленного в нее поэта, но и его жизнью. Шателляр поражен красотой и грацией Марии Стюарт, но он осознает, что она бессердечная актриса, а единственным настоящим чувством является его страсть. Он отказывается от отставки, понимая, что этим компрометирует королеву. Но он же отвергает и помилование.

Мария Стюарт является в трагедии отрицательным персонажем, не вызывающей у читателя ни малейшей симпатии. По своей природе королева жестока, порочна и лжива: она играет разные роли, резка и с противниками, и с теми, кто ее любит.

По мнению Дж. Кинниви, именно Мария Стюарт является центральной фигурой трагедии. Исследователь отмечает, что в

«Шателяре» Мария практична, ее заботят, прежде всего, собственная репутация и комфорт. [61] Мария не способна любить так же глубоко как Шателяр. Заботы о репутации умеряют ее любовь к нему. В IV акте она говорит:

He shall not die.

See you, I am pitiful, compassionate,

I would not have men slain for my love's sake [2, с. 73]

Он не умрет. // Увидимся. Я жалостлива, сострадательна, // Я не потерплю, чтобы ради моей любви умерли люди

И тут же продолжает:

But if he live to do me three times wrong,

Why then my shame would grow up green and red

Like any flower. I am not whole at heart,

In faith, I wot not what such things should be

I doubt it is but dangerous; he must die [2, С.73]

Но если бы ему было суждено причинить мне в три раза больше зла, // Мой стыд, станет красно-зеленым, // Подобно всякому цветку. Задето мое сердце, // По чести, я не знала, как все должно быть, // Я сомневаюсь, что это не опасно; он должен умереть.

Королева просит Морей и Дарнли убить Шателюра. Но затем она применяет свою власть и отсрочивает казнь. В V акте королева приходит к заключенному возлюбленному, чтобы получить прощение. Она даже признается ему в любви. Мария Стюарт эгоистична.

Несмотря на скорую смерть Шателяра, она думает лишь о себе, стремится переключить на себя внимание:

I am quite sure

I shall die sadly some day, Chastelard [2, с. 123]

*Я совершенно уверена, // Когда-нибудь я умру печальной смертью,
Шателяр*

Внутренний конфликт выражается в одновременном желании Марии убить Шателяра и спасти его. Мария бессильна спасти любимого, вместо этого она должна быть причастной к его убийству — это единственное, что может вызвать к ней жалость читателя. Она легко могла бы отменить смерть своего пылкого поклонника, но колебания, свойственные ее характеру, помешали сделать это. Непостоянство сковывает лучшую сторону ее души, перечеркивая ее обаяние и красоту.

«Шателяра» можно рассматривать как трагическую любовную пьесу, которую разыгрывают королева и ее несчастный поклонник. Несмотря на то, что название трагедии наводит на мысль о том, что Шателяр является трагической фигурой, он предвидит свою участь и соглашается с ней еще в начале произведения. В первой сцене, разговаривая с Мэри Битон, герой хладнокровно отмечает:

What makes you sigh though I be found a fool?

You have no blame: and for my death, sweet friend,

I never could have lived long either way. [2, С. 111]

Что заставляет вас вздыхать, хотя меня считают дураком? // Ты не виновата: что до моей смерти, милый друг, // Я ни за что не смог бы прожить долго.

Смерть совершенно не пугает Шателяра:

Look, my love

Would kill me if my body were past hurt

Of any man's hand; and to die thereof,

I say, is sweeter than all sorts of life.

I would not have her love me now, for then

I should die meanlier some time. [2, С.54]

Послушай, моя любовь // Убила бы меня, если бы мое тело перестало болеть // От удара другого человека, и поэтому умереть, // Скажу я, слаще всякой жизни // Если бы она не любила меня теперь, тогда // Моя смерть оказалась бы еще более презренной.

Несчастный поклонник осознает свою участь и принимает ее, в каком-то смысле он даже рад ей, поскольку расстается с жизнью, не предав своей любви. Его смерть не является трагедией для него самого, поскольку такой конец запечатлеет его идеальным любовником: нежным, страстным и любящим. [61]

Шателляр берет на себя всю ответственность за свою судьбу. Свою смерть он рассматривает как соединение двух душ, возможность идеального союза:

And take your soul to bring mine through to God

That our two souls might close and be one twain
Or a twain one, and God himself want skill
To set us either severally apart. [2, С. 62]

И возьми свою душу, чтобы преподнести мою Богу // Чтобы две наши души могли приблизиться и стать одной двойной душой // Или двумя соединенными, так что даже Бог будет не в силах // Нас разъединить.

Надежда на вечную награду, а вовсе не стремление к страданию заставляет несчастного поэта приветствовать смерть. Шателяр полностью во власти королевы, его жизнь в ее руках. [61] Его идеализм остается неизменным от начала до конца. Даже в тюремной камере он ждет прихода возлюбленной, обречшей его на смерть:

I wonder will she come
Sad at her mouth a little, with drawn cheeks
And eyelids wrinkled up?
For surely she must come;
And I should fare the better to be sure
What she will do [2, С. 113]

Интересно, придет ли она // Будет ли грусть на губах, впалые щеки, // Веки в морщинках? // Конечно, она должна прийти; // И я должен постараться понять наверняка, // Что она сделает.

Топор, который упадет на шею Шателяра, не является для него безжалостным врагом. Он остается верным вассалом Марии,

прощающим ей все, даже свою смерть. Его любовь соединяет стремление к полной самоотдаче и мазохистскую³ жажду страданий, которую критики считают типичной для раннего Суинберна. [61]

Если Суинберн, как отмечали критики, отступал от исторических фактов в «Шателюре», то в следующих пьесах трилогии, «Босуэлле» и «Марии Стюарт», все герои изображаются согласно их описанию в исторических источниках. В «Босуэлле» более сорока персонажей, и в их числе нет ни одного вымышленного.

Сюжет трагедии «Босуэлл» строится вокруг убийства Давида Риччо, секретаря шотландской королевы и ее мужа лорда Дарнли, за которым следует брак Марии и Босуэлла, подозреваемого в организации заговора против Генри Дарнли. Эти события привели к восстанию шотландских лордов, в котором участвует религиозный фанатик Джон Нокс, затем Мария вынуждена отказаться от престола в пользу сына, сводный брат Марии, граф Морей, становится регентом, а Мария бежит в Англию, надеясь на поддержку английской королевы.

Суинберн умело изображает характер и окружение Марии Стюарт. Особенно хорошо удается ему образ Босуэлла. В пьесе это сильный, решительный, целеустремленный человек, который не останавливается ни перед чем для достижения своих целей.

Трилогию Суинберна завершает пьеса «Мария Стюарт», посвященная последним годам жизни Марии Стюарт в Англии. Хотя в трагедии присутствуют многочисленные исторические личности, которые в последние годы жизни шотландской королевы принимали

³ Термин «мазохизм» впервые был введен в оборот в 1886 г. Рихардом фон Крафт-Эбингом и назван по имени современника Суинберна писателя Леопольда фон Захер-Мазоха.

участие в ее судьбе, главная роль, безусловна, принадлежит Елизавете I. Образ шотландской королевы высвечивается ярче, благодаря контрасту с ее царственной родственницей, холодной, расчетливой, черствой, одержимой стремлением к власти королевой Англии. Третий акт пьесы посвящен суду над Марией. Сцена суда воспроизводится очень подробно: перечислены все участники суда, изображены колебания Елизаветы, которая желает тайного убийства шотландки и проявляет трусость в подписании смертного приговора. Низость Елизаветы особенно ярко проявляется в IV акте, который назван ее именем.

О том, что автор симпатизировал Марии, свидетельствуют некоторые детали образа шотландской королевы. В «Шателюре» и «Босуэлле» Мария изображается страстной поклонницей верховой езды, которой был увлечен и сам Суинберн. В трилогии Мария часто с тоской вспоминает Францию, где она провела детство, и где короткое время ей довелось быть королевой. Так, Мария Стюарт привозит с собой в Шотландию французских друзей и привычки, тем самым подчеркивая, что она здесь посторонняя. С чувством горечи она оглядывается на годы, проведенные при французском дворе, вспоминает о проводившихся там развлечениях, любит французские песни и стихи. В глубине души она больше француженка, чем шотландка. Из жизнерадостной страны наслаждений и веселья Мария приезжает в унылую пуританскую Шотландию, кажется, населенную людьми, которые ненавидят искусство, поэзию, музыку и смех. Суинберн изображает ее мученицей во имя не католической религии, но этической «религии» красоты и искусства. Суинберн тоже был франкофилом, — считал даже, что у него в роду были французы, — и противопоставлял свою любовь к прекрасному пуританской морали.

Его чувственная поэзия нередко вызывала осуждение сторонников строгой морали.

В трилогии Суинберна Марии в некоторой степени присуща андрогинность. Королева, которая изображается женственной и хрупкой, в битвах предстает в мужских нарядах, стремится в бой и сожалеет, что не родилась мужчиной. Королева подвержена страстям, поэтому она не понимает Елизавету.

Образ Марии в трилогии постепенно развивается: королева становится более зрелой, ей нравится вкус битвы, политические игры. Она жаждет быть свободной, но чувствует и понимает, что смерть настигнет ее в плену. Мария в первой пьесе трилогии — непостоянная возлюбленная, которая обрекая на гибель своего поклонника, думает лишь о себе, в последней она же, сама будучи обречена на казнь, с улыбкой взойдет на эшафот.

Мария Стюарт в трилогии Суинберна является поистине роковой героиней. Ее любовь губительна для мужчин. Она обрекает на смерть Шателера, ее жертвами также становятся Дарнли и Босуэлл, которых она толкает на преступление. Но именно в ее фатальности и заключается привлекательность Марии. Можно назвать нравственность искусства Суинберна нетрадиционной и даже антихристианской, она основана прежде всего на его собственных понятиях о красоте. Мария великолепна благодаря своему греху, а не вопреки ему, так автор выражает свой протест против показной викторианской морали и добродетели. [58] Гибельная и прекрасная Мария в трилогии Суинберна прекрасно соответствует типу роковой женщины, *femme fatale*, популярному в искусстве конца XIX – начала XX вв., но

встречающемуся еще в произведениях Китса («Ламия») и Кольриджа («Кристабель»).

Через некоторое время после создания драматической трилогии о Марии Стюарт Суинберн вновь обращается к образу шотландской королевы в стихотворении «Прощание с Марией Стюарт» (*Adieux a Marie Stuart*, 1904), где он восхищается шотландской королевой. Суинберн считал, что он был рожден, чтобы быть последователем Марии Стюарт, поскольку все его предки были католиками и якобитами, изгнанниками и мятежниками. Он остро чувствовал романтическую привлекательность шотландской королевы. Работа над темой Стюартов затянулась на тридцать лет и завершилась публикацией «Заметок о характере Марии, королевы шотландцев» (*Note on the character of Mary Queen of Scots*, 1882). [55]

Заключение

До сих пор не стихают споры о том, кем же на самом деле являлась Мария Стюарт: жертвой жестоких людей и обстоятельств или собственным палачом. Историки и писатели до сих пор спорят о ее судьбе, но все сходятся в одном: Мария была страстной и чувственной натурой, истиной женщиной. Самым насыщенным периодом в жизни Марии стали 2 года: 1565-1567 гг. В это время королева дважды выйдет замуж, родит наследника, и, поддавшись чувствам, потеряет шотландский престол.

К образу прекрасной шотландки в своих произведениях обращаются многие писатели и поэты XIX в., в том числе и Р. Бернс, У. Вордсворт, В. Скотт и А. Ч. Суинберн, произведения которых были рассмотрены в данной работе.

Можно отметить, что на восприятие трагической судьбы Марии Стюарт влияет не только национальная принадлежность авторов (Р. Бернс и В. Скотт были шотландцами, У. Вордсворт и А. Ч. Суинберн – англичанами), но и вероисповедание авторов: Р. Бернс был кальвинистом, но позже больше склонялся к вероисповеданию, не ограниченному каким-либо канонам, У. Вордсворт – англиканин (протестант), В. Скотт – протестант, А. Ч. Суинберна родители хотели видеть священником англиканской церкви, но позже он склонялся к католицизму.

Для шотландского патриота Роберта Бернса история Марии была частью трагедии потери независимости Шотландии, хотя королева умерла более чем за век до заключения Унии 1707 г. Он сочувствует

королеве, отождествляет ее судьбу с печальной судьбой всего шотландского народа.

Англичанин У. Вордсворт проявляет симпатию к шотландской королеве, сопереживает ей и подчеркивает несправедливость, проявленную по отношению к ней судьбой.

Шотландец Вальтер Скотт также расположен к королеве, для своего повествования он выбирает период заточения Марии Стюарт в замке Лохливен, время надежд и борьбы за отнятый у нее шотландский престол. Он сочувствует свергнутой королеве и ее сторонникам, хотя и понимает, что поражение Марии было исторически неизбежно.

Казалось бы, англичанин А. Ч. Суинберн, симпатизируя католицизму, должен был относиться к Марии так же, как и его предшественники – Р. Бернс, В. Скотт и У. Вордсворт. Однако его точка зрения на Марию оказывается ближе воинствующей протестантской, и он изображает Марию Стюарт женщиной-вамп, роковой соблазнительницей. У него, в отличие от других авторов, Мария не выступает невинной жертвой интриг и заговоров.

Несмотря на существующие противоположные точки зрения на жизнь Марии Стюарт, каждую точку зрения можно обосновать, опираясь на документы и факты ее биографии. Ее жизнь окутана романтическим ореолом, ее судьба полна взлетов и падений, а сама Мария является неразгаданной загадкой, к которой никто не остается равнодушным. Но будь то восхищение или неприязнь, ее образ еще долго будет привлекать к себе писателей и поэтов, художников и историков.

Список использованной литературы

1. Burns R. The Poems and Songs of Robert Burns / ed. Ch. W. Eliot. – New York: Cosimo, 2010. – 616 p.
2. Swinburne A. Ch. The Works of Algernon Charles Swinburne: Tragedies. – Philadelphia: D. McKay, 1910. – 540 p.
3. The Abbot. By the Author of "Waverley": in 3 vols. – Vol. 1. – Edinburgh; London: Longman [etc.], 1820. – 694 p.
4. Wordsworth W. The complete poetical works of William Wordsworth / Ed. H. Reed. – Philadelphia: J. Kay, jun. and brothers, 1837. – 551 p.
5. Бёрнс Р. Шотландская слава / пер. С. Я. Маршака. URL : <http://poesias.ru/foreign-stihi/stihi-burns/stihi-burns10174.shtml> (дата обращения: 24.05.2017)
6. Бёрнс Р. Элегия Марии, Королевы Шотландской, на приближение весны / пер. Ю. Князева. URL : <http://www.maria-stuart.ru/content/literature/robert-burns> (дата обращения: 24.05.2017)
7. Вордсворт У. Жалоба Мэри, Королевы Шотландцев, в канун нового года / пер. Г. Иванова. URL : <http://www.maria-stuart.ru/content/literature/william-wordsworth> (дата обращения: 24.05.2017)
8. Вордсворт У. Избранные стихотворения и поэмы / пер. [с англ.] А. Ю. Леонтьева. – СПб.: Летний сад, 2002. – 157 с.
9. Скотт В. Аббат / пер. с англ. В. Е. Шора. – М.: Художественная литература, 1963. – 600 с.
10. Цвейг С. Мария Стюарт / Стефан Цвейг. – М.: Эксмо, 2007. – 798с.

11. Алексеев М.П. Литература средневековой Англии и Шотландии / М. П. Алексеев. – М.: Высшая школа, 1984. – 352 с.
12. Бубнова Е. А. Рецепция трилогии А. Ч. Суинберна о Марии Стюарт в англо-американской критике // Английская литература: от «Беовульфа» до наших дней. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2002. – С. 258-266.
13. Беглецы: исторические рассказы об известнейших бегствах из тюрем и других мест заключения // Мария Стюарт. – М.: Либроком, 2012. – 309 с.
14. Бельский А. А. Вальтер Скотт / А. А. Бельский – М.: Знание, 1958. – 40 с.
15. Бурова И. И. Две тысячи лет истории Англии / И. И. Бурова. – СПб. : Бельведер, 2001. – 543 с.
16. Бурова И.И. Легенда о Локрине и ее интерпретации в английской литературе елизаветинского периода // Филология и культура. – № 2 (40). – 2015. – С.181-185.
17. Бурова И.И. Печальная трагедия Локрина и Локрин А. Ч. Суинберна // Вестник СПбГУ. Сер. 9. – Вып. 2. – 2013. – С. 78-84.
18. Воробьева Н.Н. Принцип историзма в изображении характера / Н. Н. Воробьева. – М.: Наука, 1978. – 264 с.
19. Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья. – М.: Наука, 2006. – 436 с.

20. Грибанов Б.Т. Елизавета I, королева Англии / Б.Т. Грибанов. – М.: Terra, 2003. – 192 с.
21. Грэм Р. Мария Стюарт / пер. с англ. А. Серегина. – М.: Молодая гвардия, 2010. – 394 с.
22. Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства / А. Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1990. – 395 с.
23. Дайчес Д. Сэр Вальтер Скотт и его мир / Д. Дайчес. – М.: Радуга, 1987. – 174 с.
24. Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории / ред. Л. П. Репина. – М.: ИВИ РАН, 1999. – 315 с.
25. Дмитриева О. В. Елизавета I: Семь портретов королевы / О. В. Дмитриева. – М.: Янус-К, 1998. – 247 с.
26. Дьяконова Н. Я. Хрестоматия по английской литературе XIX века / Н. Я. Дьяконова. – М.: Красанд, 2010. – 288 с.
27. Егер О. Всемирная история / О. Егер. – СПб: Издание А. Ф. Маркса, 1997. – 690 с.
28. Елизавета I – королева Англии: Сборник / сост. И. А. Панкеев. – М.: ОЛМА-пресс, 2000. – 495 с.
29. Женщины, любившие мужчин: Сборник / сост. Д. О. Хвостова. – М.: Олма-Пресс, 2002. – 319 с.
30. Журавель Н. А. Граф Лестер и католическая оппозиция при Елизавете I Тюдор / Н. А. Журавель. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. – 22 с.

31. Зарубежная литература XIX века. Романтизм / Я. Засурский. – М.: Просвещение, 1976. – 585 с.
32. Ивонин Ю.Е. Властители судеб Европы: императоры, короли, министры XVI – XVIII вв. / Ю. Е. Ивонин. – Смоленск: Русич, 2004. – 464 с.
33. История государства и права зарубежных стран / под ред. Н.А. Крашениникова, О.А. Жидкова. – М.: Флинта, 2009. – 569 с.
34. История западноевропейской литературы: XIX в.: Англия: Учебное пособие для студентов филологических факультетов высших учебных заведений / под ред. Сидорченко Л.В., Буровой И.И. – М.: Академия, 2004. – 546 с.
35. Карсвелл К. Жизнь Роберта Бернса: биография отдельного лица / К. Карсвелл. – М.: Terra-Книжный клуб, 2001. – 365 с.
36. Керолли Э. Мария Кровавая. – М.: АСТ, 2001. – 351 с.
37. Кертман Л. Е. География, история и культура Англии / Л. Е. Кертман. — М.: Наука, 2008. — 453 с.
38. Корепанова А. Ю. Литературные связи А. Ч. Суинберна / А. Ю. Корепанова. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. – 22 с.
39. Литературная энциклопедия: в 11 т. – Т. 11. – М.: Худож. лит., 1939. – 824 с.
40. Мортон, А. Л. История Англии / А. Л. Мортон. — М.: Иностранная литература, 2010. — 433 с.

41. Омельченко О. А. Всеобщая история государства и права / О. А. Омельченко. – М.: Эксмо, 2002. – 592 с.
42. Паевская А. Н. Вальтер Скотт, его жизнь и литературная деятельность / А. Паевская. – СПб.: Ф. Ф. Павленкова, 1891. – 80 с.
43. Пирсон Х. Вальтер Скотт / Х. Пирсон. – М.: Молодая гвардия, 1978. – 309 с.
44. Пирсон Х. Вальтер Скотт: биография отдельного лица / пер. с англ. В. Скороденко. – М.: Terra-Книжный клуб, 2003. – 303 с.
45. Питаваль Э. Мария Стюарт. В борьбе за трон. На пути к плахе / Э. Питаваль. – М.: Terra, 2006. – 704 с.
46. Райт-Ковалева Р. Я. Роберт Бёрнс / Р. Я. Райт-Королева. – М.: Молодая гвардия, 1961. – 370 с.
47. Реизов Б. Г. Вальтер Скотт // Собрание сочинений Вальтера Скотта / под ред. Б.Г. Реизова, Р.М. Самарина, Б.Б. Томашевского : в 20 т. – Т. 10 – М.; Л.: ГИХЛ, 1963. – С. 5-46.
48. Реизов Б. Г. Творчество Вальтера Скотта / Б. Г. Реизов. – М.: Художественная литература, 1965. – 500 с.
49. Савин А. Н. Лекции по истории Английской революции / А. Н. Савин. – М.: АСТ, 2000. – 645 с.
50. Соколов В. А. Реформация в Англии / В.А. Соколов. – М.: Типография Л.О. Снигерева, 1881. – 546 с.
51. Хейг К. Елизавета I Английская / К. Хейг. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1997. – 317 с.

52. Черняк Е. Б. Тайны Англии: заговоры. Интриги. Мистификации / Е. Б. Черняк. – М.: Остожье, 1996. – 226 с.
53. Штокмар В. История Англии в Средние века. – М. : АСТ, 2009. – 658 с.
54. Dahl C. Autobiographical Elements in Swinburne's Trilogy on Mary Stuart // *Victorian Poetry*. – Vol. 3, No. 2. – 1965. – P. 91– 99.
55. Dahl C. Swinburne's Loyalty to the House of Stuart // *Studies in Philology*. – Vol. 46, No. 3. – 1949. – P. 453–469.
56. Doran S. Elizabeth I and Foreign Policy, 1558-1603. – London: Routledge, 2000. – 75 p.
57. Fraser A. Mary Stuart. – London : Orion Publishing, 2010. – 592 p.
58. Harrison A. H. Love Strong as Death and Valour Strong as Love // *Victorian Poetry*. – Vol. 5, No. 1. – 1980 – P. 61-73.
59. Hyder C. K. Algernon Swinburne / C. K. Hyder. – London: Taylor and Francis, 2012. – 255 p.
60. Khan J. U. Wordsworth's Revision and Publication of "Vaudracour and Julia" and "Lament of Mary Queen of Scots" // *Studies in Philology*. – Vol. 99, No. 3. – 2002. – P. 312-335.
61. Kinneavy G. B. Character and Action in Swinburne's "Chastelard" // *Victorian Poetry*. – Vol. 5, No. 1. – 1967. – P. 31-39.
62. Louis M. K. Swinburne and His Gods. – Moscow: MQUP, 1990. – 242 p.

63. MacCunn F.A. *Mary Stuart*. – New York: Dutton, 1857. – 430 p.
64. Shrank C. *This Fatall Medea, this Clytemnestra: Reading and the Detection of Mary Queen of Scots* // *Huntington Library Quarterly*. – Vol. 73, No. 3. – 2010. – P. 523–554.
65. Smith J. L. *Mary Queen of Scots as Susanna in Catholic Propaganda* // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. – Vol. 73. – 2010. – P. 209-220.
66. Young-Bryant A. *Swinburne: "The Sweetest Name"* // *Victorian Poetry*. – Vol. 49, No. 3. – 2011. – P. 301-316.